

Сергей Егорович Михеенков родился в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Окончил Калужский государственный педагогический институт, Высшие литературные курсы. Служил в рядах Советской Армии. Публиковался в журналах «Подъём», «Москва», «Наш современник», «Юность», «Сура», «Армак». Автор многих книг прозы и исторической документалистики, вышедших в издательствах «Вече», «ЭКСМО», «Молодая гвардия», «Центрполиграф». Биограф маршала Г.К. Жукова, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского, певицы Лидии Руслановой. Живет в Тарусе.

Сергей Михеенков

ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОТА

(О тех, кто к штыку приравнял перо)

Глава четвертая

ОЛЬГА КОЖУХОВА

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ДРУГОГО ПУТИ

1

“О

льга Кожухова — из тех, кто в самую короткую летнюю ночь — с 21-го на 22 июня — кружился на школьном выпускном балу в сорок первом. Зачисленная на филологический факультет Воронежского университета без экзаменов (золотая медаль), студенткой стать отказалась. “Прихожу — вижу себя в списке принятых, а рядом объявление: набор на курсы медсестер. Что было раздумывать: война...” Дошла до Берлина. Два ордена, пять медалей, контузии, ранение в лицо, отчего всю последующую жизнь она была вынуждена фотографироваться лишь в профиль».

Это — из биографической справки, которыми пестрит интернет¹.

Казалось бы: война — дело не женское. От лобой войны больше всего страдают именно женщины. И за своих отцов, мужей и сыновей. И сами,

Продолжение. Начало в № 6, 2023 г.

¹ Ирина Бутыльская. Я еще пригожусь. — Аргументы и факты. — 7.05.2003.

по причине своей беззащитности и неприспособленности к войне, ее чудовищной работе, ее противоестественности. Женщина — природа. Война — самая жестокая деформация природы. И вот на фоне этих размышлений проза Ольги Кожуховой, ее повести и романы в совокупности с авторской верностью раз и навсегда избранной теме не то чтобы размыкают эту аксиому, но заставляют подумать о большем...

Родилась Ольга Константиновна Кожухова 20 июня 1922 года в Воронеже. Вскоре отец Константин Кожухов, агроном, перевез семью к месту нового своего назначения — на заложенную еще Докучаевым Каменно-Степную опытно-мелиоративную станцию. Вот тогда-то степь вошла в душу будущей писательницы во всей ее прекрасной сложности — и пейзажем, и философией.

Из книги «Донник»: «Здесь, в степи, все мне в радость, в игру: узнавание трав и цветов, птиц, зверей и деревьев, и особенных, прежде не слышанных слов. Безуханный. Куриная слепота. Непашь. Зябь. Толкуны. Я прислушиваюсь к существующим в здешнем народе наречиям, обозначающим явления природы, — сколько в них образности, поэзии! Разве скажешь как-то иначе, а не так, как сказали в деревне: “Поворотило к ненастью”. Или: “Пал туман”. А сколько чудесно-го в словах: “первопуток”, “пороша”, “поземка”!»

Из воспоминаний о школьных годах: «Я не помню, чтобы мама пришла с работы в плохом настроении. А было нас у нее четверо.

Вместе с нами жила бабушка. Рыхлая, стриженая наголо, скупая старуха. Она целыми днями молчала, как отец, и смотрела недоверчивыми глазами. Иногда спрашивала:

— Ну, чего ты там вычитала? Врут, поди!

Я ее не любила.

В школе я сидела за последней партой, в среднем ряду — там удобнее читать книги.

Учительница русского языка говорила маме:

— Ваша дочь абсолютно грамотная девочка!

И — верно. Ошибки я начала делать уже в Литинституте.

Нельзя сказать, чтобы я была отличницей. По математике я никогда не получила больше “двойки”. В конце года с трудом удавалось получить “тройку”. Прямо, как в песне: “Была бы только тройка...”

Маму часто вызывали в школу. Я, например, открывала дверь к старшеклассникам, где шел урок черчения, и кричала:

— Василий Матвеевич, клюкнем!

Василий Матвеевич, преподаватель черчения, страдал запоем, и нос его был красным, как помидор. Он выбегал из класса ловить обидчицу, но я взбегала по лестнице на третий этаж и пряталась.

Учительница удивлялась, что я обо всем рассказывала маме. О всех своих проделках».

Когда немного повзрослела, влюбилась в мальчика из старших классов, начала писать стихи. Обычная история. Но у обычных людей это вскоре прекращается. А у поэтов — нет. Она начала посылать стихи в газеты.

«...В одну из весен получила письмо — “Зайдите в редакцию “Молодой коммунар”».

Я удивилась. Прихожу. Сидит широкоскулый, небритый человек в свободном сером костюме. Глаза насмешливые, но внимательные. В них, кажется, так и читаешь: «Ах вы, мои милые, какие вы все хорошие, но глупые...» Он заметил, что я робею, погасил в глазах смешинку и сказал таким простым, хорошим голосом:

— Вот Вы какая! Читал Ваши стихи — хочу познакомиться!

Это был Борис Глебович Песков, писатель, редактор пионерской газеты. Он оказался человеком широкой души, бродягой и поэтом. Часто собирал ребятешек с улицы, возил их на рыбалку или в лес, рассказывал удивительные истории. Особенно ему нравилась ранняя весна, когда на деревьях лопаются почки, а после дождей из клейких трубочек развертывается лист, и так сладко пахнет свежестью. Он учил нас распознавать птиц по голосу, приходил в восторг от пения зяблика — очень у него наивная, но трогательная песенка. “Таким должен быть настоящий поэт”, — говорил он.

Как сейчас помню — идет Борис Глебович, кусты плечом раздвигая, капли с веток вымочили его костюм, на башмаках грязь, а он улыбается, открыто, незлобиво, как ребенок. Увидел, воробей в луже купается, говорит:

— Глупый, мало ему дождика!

Ольга Кожухова

В один из моих приездов в Эртилево случился анекдотический эпизод. Там отдыхал как раз Борис Глебович Песков с женой Тамарой. Когда Тамара (отчество не знаю, не помню) узнала, что я приехала отдыхать, она тут же собрала вещи и уехала с Б.Г. в Воронеж. Безумно меня ревновала к нему. Он, как главный редактор газеты “Будь готов!”, печатал тогда меня. Он был мне как отец! И друг, и учитель, и писатель, которого я больше всех уважала. И... может быть, может быть, он был увлечен цветущей и острой на язык школьницей, писавшей стихи... А это мне льстило. В июле 1941 года, когда я уходила на фронт, мы прощались с ним в саду ДКА, и Борис Глебович дал мне много мужских, отеческих советов, как себя держать девушке среди многих и многих молодых мужчин... За что я ему бесконечно благодарна. Гибель его — нож в мое сердце».

Вот чем была наполнена юность Ольги Кожуховой. Пока не началась война.

Поколение рождения двадцать второго и двадцать третьего годов выбито почти целиком. Это — школьники-выпускники и студенты-первокурсники. Они пошли в военкоматы сразу. Кто в самом же начале войны, еще летом попал в окопы под Киевом, Смоленском и Ленинградом. Кого направили в артиллерийские и пехотные училища, и через полгода они, лейтенантами и младшими лейтенантами, оказались там же. Кто на курсы медсестер, как Юлия Друнина, Ольга Кожухова и их подруги.

«Девчонки в Воронеже меня почему-то “не воспринимали” в школе. Но стоило выйти на улицу, и тут как тут какие-то ласковые, добрые взгляды, желание помочь, уступить дорогу...

Именно взрослые, а не сверстники провожали меня домой через весь город, на окраину — отменная нежелчивость, содержательный разговор и стихи, стихи, стихи — свои и чужие...

Среди всех, выше всех — Борис Глебович Песков. Вот мой первый учитель и в жизни, и в литературе, вот кто увидел во мне “мое нечто”, кто помог осознать, что нужно не прыгать стрекозой на танцульках, а работать, работать...»

Уже с 1938 года ее стихи, очерки стали появляться в воронежских газетах и в альманахе «Литературный Воронеж».

В Красной Армии с августа 1941 года. После окончания курсов медсестер — тогда это для Родины было нужнее, так была воспитана молодежь той поры, — была зачислена в 329-ю стрелковую дивизию.

«...почтовая карточка военных лет: Полевая Почта 06436 В. Ольге Кожуховой. Обратный адрес: Полевая Почта 20362 В.В. Пескову. 31.7.43 г.

“Дорогая Олюшка!

Напал на твой след еще прошлым летом, видел твоё стихотворение в «Кр. Правде». Позже от своего редактора узнал, что ты — по соседству...

Сегодня узнал, что ты лейтенант и работаешь в газете. Рад твоим успехам. Очень рад.

В мае я на два дня был в Воронеже. Все как во сне... Все напоминает грандиозные декорации к сумасшедшей пьесе сумасшедшего автора. Воронежская действительность значительно превосходит наше воображение. Но люди живут. Как ты? Пиши. С приветом. В. Песков”.

Я не помню, ответила ему или нет. Это был 43-й год, наша армия наступала, а сама в любую секунду могла погибнуть. Не писала даже матери, из какого-то суевренного чувства: они получают мое письмо, а меня уже нет на свете...

Кому из погибших своих учителей я в первую очередь хотела бы сейчас написать? Думала, думала... Борису Глебовичу Пескову. Он, несмотря ни на что, прагматик, но его прагматизм был крепко-накрепко спаян с нежностью и с добротой к нам, дуракам и дурехам, его ученикам. Нежнее всех любил меня — и наша последняя беседа перед моим отъездом на фронт оказалась пророческой, — не исполнила я его советов, а важность и нужность их всю жизнь теперь помню и понимаю.

Борис Глебович Песков, нет, это всерьез... Это так глубоко, что я и сегодня боюсь вспоминать о наших с ним вроде бы легких, простых отношениях...

Четыре года войны. О них можно сказать словами того конюха Романа из Каменной Степи — “Лялька воюет!”

Мне приходилось много ездить по фронту, а чаще ходить пешком. Я жалею теперь, что не вела регулярных записей виденного и слышанного. Но есть такие события и встречи, которые врезались в память, как в камень.

Кончилась война. Москва привечала туманами да сырыми ветрами. Я не сразу их приняла, эти лютые, неприятные ветры, вылетающие из-за угла, потому что всю жизнь привыкла к другому: к той же вьюге, к метелям — в лицо, но на ровных широких, открытых просторах, без разбойничьих посвистов в проводах и антеннах, в переулках, в угрюмых скопленьях домов.

Отходили, померкнув, и детство, и юность.

Падали осенние листья. Прямо с вокзала пришла я на Тверской бульвар. В планшетке лежало письмо от Сельвинского, полученное мною еще на фронте, и тощая книжка плохих стихов, изданная в Воронеже.

Я пришла сюда потому, что другой путь для меня уже стал невозможным».

3

Многие, ставшие потом гордостью советской литературы, приезжали тогда прямо с вокзалов в Литературный институт, в этот дом на Тверском бульваре, как в родной дом. С тощими книжечками в планшетках, с неопубликованными рукописями в вещмешках. Приезжали, разумеется, те, кто выжил и для кого *другой путь уже стал невозможен...*

Они привозили с собой не только рукописи. Рукописи еще будут созданы. Романы, поэмы, стихи, песни, сценарии, пьесы. Они привозили с собой то, о чем еще в 41-м написал Константин Симонов: «Мы, пройдя через смерть и страдания, /

Снова к прошлому взглядом приблизимся, / Но на этом далеком свидании / До
былой слепоты не унизимся...» Они прибыли с фронта с иным взглядом на жизнь.
Это вскоре проявится.

Этот новый взгляд, более пристальный и строгий, выточил, отшлифовал в них
фронт.

Из дневников:

«...В декабре сорок первого под Москвой стояли мы в брезентовых палаточках.
Наш медсанбат, попавший потом в окружение под Вязьмой... Я должна была идти
с ними, но отстала — заболела в дороге воспалением легких, добиралась с пово-
зочными. Комбат наш, прекрасный человек, тоже ушел со всеми, а вместо него
был один... здоровенный мужик, выгонял меня из кабины, чтобы я шла пешком,
а сам садился. Тридцать градусов мороза, и я шла с воспалением легких, сил не
было, а на Смоленщине мы попали под дикую бомбежку и танковую атаку, отсту-
пали по глубоким снегам. Остались живы, а те, кто ушел вперед, с кем и я шла
вначале, погибли все».

Ольга Кожухова служила медсестрой в 418-м отдельном медико-санитарном
батальоне. Во время битвы за Москву, в период декабрьского наступления, ее мед-
санбат был придан 329-й стрелковой дивизии 33-й армии. Армией командовал
генерал-лейтенант М.Г. Ефремов. В декабре 1941-го, январе 1942-го 33-я армия
отбила у немцев Наро-Фоминск, Верею, Боровск, Балабаново и по приказу штаба
Западного фронта устремилась к Вязьме в брешь, образовавшуюся в немецкой
обороне. В начале февраля 1942 года немцы отсекли прорвавшуюся группировку
генерала М.Г. Ефремова от тылов и флангов войск Западного фронта и начали сжи-
мать образовавшийся «котел». В окружении оказалась и часть 329-й стрелковой
дивизии, и 418-й медсанбат, и подруги сержанта медицинской службы Кожухо-
вой. Судьба окруженных окажется трагичной. Большинство погибнет. Другая
часть окажется в плену. Выйти из окружения в апреле 1942 года посчастливится
немногим.

«...На войне мне были страшны не те ужасы, которые я переживаю или уже
пережила, а те, которые на мою долю еще не выпали, но я о них слышала: ужас
окружения, ужас плена и пыток, ужас смерти во сне — как у шофера в Износках,
лежавшего надо мной на полатах. Я проснулась тогда не оттого, что самолет об-
стрелял улицу, и не оттого, что крупнокалиберная пуля пробила стенку дома пря-
мо над моей головой, а оттого, что капли крови стали капать на меня с убитого
человека. Шофер погиб, не проснувшись...»

«Какой ужасной бывала на войне смерть! Эти оторванные ноги и руки, эти
трупы без головы... Я видела в бою под Ельней: только плечи, грудь и живот —
вот и все, что осталось от человека. Но я видела все это и любила жизнь, была
весела, так хохотала и шутила — над каким-нибудь перетрусившим собратом, —
что и думать не думала, что однажды, в мгновение может кончиться для меня
все, что люблю: земля, люди, дождь, солнце, ветер, цветы на обочине дороги.
Даже голод и холод, грязь, рев буксующей в луже полуторки, бессонница от гу-
дящего в небе ночного бомбардировщика, швыряющего столбы пламени вниз.
Да, в этом кошмаре я была счастлива, жизнелюбива, смешлива и насмешлива.
Как бы мне эти качества пригодились сейчас — большой, одинокой, разучившейся
смеху...»

«Не забуду сцену на Тверском бульваре ночью, сразу после войны, возле Ка-
мерного театра. Я в клетчатом платке, в военной гимнастерке и юбке. И вдруг
трое парней обгоняют меня. И один выстреливает щелчком свет из длинного кар-
манного фонаря — и: “Да-а, вот это глаза...” А теперь один знакомый, который
знал меня еще до войны: “Оля, где твои глаза?” А я знаю, где?! Наверное, на вой-
не. Еще не демобилизовались...»

Беловежская Пуща. Витово.
Дым солдатских землянок в лесу.
Это время, тобою забытое,
Я, как песню, сквозь жизнь несу.
Запах вялой листвы и мяты,
И цветы из обветренных рук.
И забывшие женщин солдаты.
И для них только лишь — политрук.
Мне запомнятся дни этой осени
И летящие с дальних полей
В беловежской отчаянной просини
Косынки журавлей... Журавлей...»

«В Воронеж возвращаться было некуда. Пришла на место своего дома: ни фундамента — чистое поле и телеграфный столб скосившийся. Но этот поруганный, на девяносто шесть процентов погибший город издал в сорок шестом году книжку моих стихов — тех, что печатались в армейских, фронтовых газетах.

С этой маленькой — буквально в блокнотик — книжечкой я поступила в Литературный институт. И там вдруг... заскучала. Расхотелось писать стихи. Тайком что-то такое пережитое, свое, попыталась изложить прозой, решила показать Паустовскому. И Константин Георгиевич взял меня в свой семинар...»

«А ночевать иногда даже в аудиториях приходилось. Накроешься шинелью — как на фронте. Холод, голод. А потом вдруг генерал какой-нибудь знакомый налетит: Олечка, гульнем? — и в ресторан: зеркала, роскошь... Странная жизнь, да?..»

«Говорят, что наша молодость выпала нам в плохие времена, в худшее из времен. Что время нас покалечило и одурачило и якобы сделало нас подлыми.

Но... кого? Я не из огнеупорной глины, я не защищена никакими заговорами, наговорами, целебными травами. Но я не убийца, не провокатор, не вор, не доносчик и не меняю свои убеждения согласно указаниям и увещаниям “сверху”...»

«Смерть на войне шла по людям, как коса по траве, к этому даже привыкаешь. А вот в мирное время... Нет-нет. Это в тысячу раз и бессмысленней, и страшней. Гибель милого человека, той же Юлии Друниной...»

4

Уже на фронте окончила курсы политработников, была замполитом в госпитале для легкораненых.

Потом — курсы младших лейтенантов. И — работа фронтового корреспондента. Армейская газета «За правое дело». Снова — передовая. Под пулями, под осколками. Под обстрелами. Грязь. Кровь.

В 1965 году в двух книжках «Роман-газеты» вышел роман «Ранний снег». С предисловием Василя Быкова: «Годы войны — это целая эпоха небывалой по концентрации любви и ненависти. Ее уроков в назидание потомкам достало бы на века. <...> Роман “Ранний снег” — прежде всего свидетельство участника и очевидца, и в этом его несомненное достоинство. Выхваченные из прошлого памятью художника, на страницах произведения оживает множество деталей и подробностей, с яркой достоверностью воскрешающих атмосферу минувшей войны. Четко и многогранно выписаны характеры “военных девчат”... <...> Но ценность “Раннего снега” не исчерпывается лишь свидетельством, каким бы правдивым оно ни было. Пожалуй, самое важное достоинство романа — в углубленном осмыслении военного опыта с “мирной” дистанции двух послевоенных десятилетий. <...> Богатство размышлений, перемежающихся в романе с картинами современной жизни и будней войны, делает его форму очень емкой. Сдержанная изобразительная манера автора в сочетании с хорошей выразительностью — характерный признак

литературного мастера Ольги Кожуховой, написавшей роман-свидетельство, роман-размышление о величайшей из войн нашего народа».

Критика, пытаясь осмыслить это явление в нашей литературе 60-х — 70-х годов, назовет его «лейтенантской прозой». Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, Константин Воробьев, Анатолий Ананьев, Анатолий Генатулин, Вячеслав Кондратьев, Виктор Курочкин... Перечислять и перечислять. Не все они, авторы повестей и романов, рассказов о войне, с которой им повезло вернуться живыми, были лейтенантами. Некоторые отвоёвывали рядовыми солдатами. Они, из взвода «лейтенантской прозы», почти все писали сложно, длинными периодами. Толстовскими. Все они учились у Толстого. Хотя литинститутским руководителем творческого семинара был Константин Паустовский. Кстати, Паустовский в прозе Ольги Кожуховой тоже порой чувствуется. Особенно когда герой повести или романа вдруг остается наедине с природой или с самим собой. Где-нибудь в заснеженном лесу среди сосен, изрубленных осколками. На берегу светлой речушки с песчаным дном и стайками прозрачных пескариков...

После «Раннего снега» были другие романы и повести — «Двум смертям не бывать». «Донник». «Фонарики, плывущие по реке»...

Работала в журналах «Смена» и «Молодая гвардия».

Тема войны не отпускала. Невозможно было забыть погибших товарищей.

«...Я думаю, сознательно или же бессознательно, но многие военные писатели в своей работе следуют манере Александра Дюма, заявившего: “Что такое история? Это гвоздь, на который я вешаю свои картины”. Несмотря на всю внешнюю лихость такой формулировки, мы в ней обнаруживаем большую художническую правду и мудрость. Не случайно романы А. Дюма живут и поныне. Этот творческий метод мне кажется куда плодотворнее метода пунктуальной и тошнотворной точности полковых писарей...»

Художественная литература не дублирует военную сводку. У нее иная роль — будить мысль и привлекать внимание к событиям, оказавшимся вроде бы незначительными...»

«...8 мая я разбудила мужа — ветерана Великой Отечественной — в четыре часа утра.

— Вставай, война кончилась!

Он сперва ничего не понял, рассердился за то, что подняла ни свет ни заря, а потом вдруг все вспомнил, вскочил, и мы сели на кухне, и он закурил.

Тридцать пять лет Победы!

И мы вспоминали каждый день и каждый час, как мы встречали Победу. Были с А.В. на одном фронте, чуть ли не в десяти километрах друг от друга, но в разных частях, и не были знакомы. И даже не предполагали, что потом почти тридцать лет проживем вместе — без бурь и ураганов, в тихом, мирном быту, в полном счастье и в полном согласии...»

Вспоминаем — и слезы на глазах...»

Удивительное дело! Фронтовики будили друг друга: «Вставай, война кончилась!» Нефронтовикам это не было дано.

Мужем Ольги Кожуховой — «А.В.» — был Анатолий Васильевич Никонов. Тоже фронтовик, артиллерист. В 1943 году был награжден медалью «За боевые заслуги». Воевал на Западном, потом на 1-м Белорусском фронтах. После войны Ольга Кожухова и Анатолий Никонов вместе работали в журнале «Смена». Потом его перевели на должность главного редактора в журнал «Молодая гвардия». Она, уже жена, перешла в «Молодую гвардию» вслед за мужем. Никонов, как пишут современные справочники, «сплотил вокруг себя мощную патриотическую писательскую среду». В журнале публиковались смелые статьи лучших публицистов патриотического крыла, талантливая проза, стихи. Потом редакция разогнала. В вину, между прочим, была постав-

лена публикация романа замечательного фантаста и ученого Ивана Ефремова «Час быка». Никонова «на исправление» отправили в журнал «Вокруг света».

Ольга Кожухова и Анатолий Никонов были одногодки. В 1983 году она похоронила мужа на Кунцевском кладбище. После его ухода началось одиночество.

Война для наших лейтенантов была не просто войной, где они были солдатами, которые выжили и победили. Она поднялась в них, как это ни парадоксально, некой нравственной категорией, высотой, которую они однажды взяли и с которой уже не сходили. (Стихотворение Бориса Слуцкого «Памятник» — и об этом тоже: «Дивизия лезла на гребень горы / По мерзлому, мертвому, мокрому камню...»)

Война для Ольги Кожуховой — и мера всего, и прошлое, которое всегда рядом, и мечта. Она и в дневниках любовалась своими боевыми товарищами: «Никогда не забуду прелестную уличную сценку сразу после войны в Москве. Трамвай остановился у светофора, и я вижу часть улицы.

Молодая изящная загорелая милая женщина в выцветшей военной форме, с погонами сержанта, вся в орденах, а навстречу ей по той же самой дорожке, отведенной строителями — под дощатым козырьком и трубчатой оградой, — старшина, молодой, статный, бравый, с орденами. Дорожка узкая. Женщина сделала шаг влево, а старшина сделал шаг вправо — и они столкнулись лицом к лицу. Тогда женщина сделала шаг вправо, а старшина — влево, и они снова столкнулись. И подняли глаза друг на друга, увидели, как они оба молоды, здоровы, прекрасны — и улыбнулись, просто расцвели улыбками. И тогда старшина сильным, ловким движением приобнял своєю встречную «поперечную» и легонечко перенес ее, осваивая себе дорогу. И они разошлись...

И мне до сих пор грустно оттого, что они так легко расстались. Кто знает, может быть, все счастье жизни заключалось в этой встрече... Может быть, они потеряли то единственное, что выпадает человеку лишь однажды. Может, они и созданы были друг для друга — и не узнали об этом...»

А ведь эта грусть расставания, ломающего, возможно, самый счастливый и логичный сюжет, разлита по всей прозе Ольги Кожуховой.

Умерла 8 февраля 2007 года в Москве. Среди одиночества и рукописей, многие из которых так и остались неразобранными и неопубликованными.

БИБЛИОГРАФИЯ

Хлеб, которым делишься. — М.: Советская Россия, 1960.

Не бросай слов на ветер. — М.: Молодая гвардия, 1963.

Ранний снег. — С.: Советский писатель, 1965.

Ранний снег. — М.: Роман-газета, 1965, № 9–10. (С предисловием Василя Быкова.)

Молчание неба. Избранное. — М.: Московский рабочий, 1969.

Ранний снег. — М.: Художественная литература, 1973.

Двум смертям не бывать. — М.: Воениздат, 1974.

Двум смертям не бывать. — М.: Роман-газета, 1975, № 4.

Тридцать лет и три года. Избранное в 2-х томах. — М.: Молодая гвардия, 1977.

Рано утром и поздно вечером. — 1979.

Избранное. — М.: Воениздат, 1980.

Пока живы, пока не забыто. — М.: Правда, 1983. Б-ка «Огонек», № 24.

Ночные птицы. — М.: Современник, 1985.

Луноцвет. — М.: Современник, 1988

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

Орден Отечественной войны 1-й степени.

Орден Отечественной войны 2-й степени.

Орден Красной Звезды.

Медаль «За боевые заслуги» (1942).

Медаль «За оборону Москвы».
Медаль «За освобождение Варшавы».
Медаль «За взятие Берлина».
Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
Государственная премия РСФСР им. М. Горького (1979) — за книгу «Донник».

Глава пятая
СЕРГЕЙ ОРЛОВ
«ЕГО ЗАРЫЛИ В ШАР ЗЕМНОЙ...»

1

Сергей Орлов родился 22 августа 1921 года в селе Мегра под Белозерском, ныне Вологодской области. Родился и воспитывался в учительской семье.

Русский Север с его просторным пейзажем, житейской основательностью и особым говорком вошел в душу будущего поэта как врожденное благо, которым он дорожил всю жизнь.

Отец умер рано. Сергея воспитывал отчим. В 30-е годы семья вынуждена была уехать в Сибирь — отчим как «тридцатитысячник» по направлению партии был направлен на Алтай организовывать колхозы.

Я с детства начал жить в коммуне
За Бийском у Алтайских гор.
Под небом дальнего июня
Лежал ее земной простор.

Учился в школе. Писал стихи. И уже тогда чувствовал свое призвание. Однажды представил свое стихотворение на Всесоюзный конкурс школьников на лучшее стихотворение собственного сочинения и занял первое место. Председателем жюри был Корней Чуковский. На свой первый гонорар Сергей Орлов купил себе костюм. Это необыкновенно вдохновило.

В 1940 году поступил на исторический факультет Петрозаводского Карело-Финского государственного университета. Писал много и подготовил к печати сборник стихов. Биограф поэта литературовед и критик В.В. Дементьев писал: «Первый сборник Сергея Орлова сгорел — сгорел вместе с типографией, где лежали гранки, в сентябре сорок первого года, когда началось новое наступление финнов и когда наша 7-я армия была рассечена на три части и взята в клещи. Тем самым участь Петрозаводска была предрешена. Действительно, 2 октября город пал. Но обо всем этом Орлов не знал, да и знать не мог, поскольку он находился уже на Ленинградском фронте, в окрестностях Пушкина...»

В июне 1941 года добровольцем, как и почти весь его курс вместе с преподавателями, вступил в истребительный батальон. Батальон усиленно готовился к боям. Добровольцам выдали винтовки. Во дворе университета учили штыковому бою — «Коли!» — и метанию противотанковых гранат.

В середине июля финны предприняли первое большое наступление на петрозаводском направлении. Студенческий истребительный батальон был поднят по тревоге в ночь на 16 июля переброшен в район Ведлозера. Там, у деревни Красносельга, добровольцы приняли свой первый бой.

Видишь, над Ведлозером пожар,
Знать, отходят наши, тяжело...
Яростен врага слепой удар,
Много здесь товарищей легло.

Батальон сменили регулярные войска, от-вели во второй эшелон и вскоре расформиро-вали. И Сергей Орлов вместе с самыми стой-кими и мужественными пошел в военкомат. В сентябре они воевали в Пушкине. Это были, пожалуй, самые тяжелые бои во всей ленин-градской эпопее, так как тогда было еще не-ясно, удастся ли отстоять город. После сен-тябрьских боев остатки отважной студенчес-кой группы зачислили в специальную коман-ду, погрузили в теплушку и повезли на Урал. Так Орлов оказался в Челябинском танковом училище.

В Челябинске, в 30-м запасном танковом полку, формировались танковые экипажи, проводились учебные стрельбы, и вскоре ско-лоченные и обученные экипажи вместе с но-венькими, только что из цеха, танками эше-лонами отправляли на фронт.

Сергей Орлов со своим экипажем вернул-ся под Ленинград.

Эшелон разгрузался на железнодорожной станции Назия.

Сергей Орлов, из неоконченной биографической книги: «Полк разгрузался на станции Назия. Станции не было, от нее осталась только коробка водонапорной башни. Все здесь было разбито и сожжено и засыпано за зиму белым снегом. По-одаль и вокруг стояли высокие оранжевые сосны с побитыми кронами; в сирене-вом рассветном небе кружилась немецкая «рама», разглядывая сверху, как сгру-жался полк. Механики в открытые люки следили только за командиром маши-ны, как оркестранты за дирижером, и осторожно вели танки по платформам со-става, повинаясь движениям командирских рук... Нет, непросто спустить маши-ну на землю; гусеницы кладут траки по ободьям платформы: чуть вправо, чуть влево — и пятидесятитонная машина грохнется с нее. Командиры идут, пятясь спиной, и смотрят только на гусеницы; ладонями рук они легонько прессуют воз-дух то правой, то левой или же манят вместе разом на себя так, как манят на себя маленьких детей, учащихся ходить.

Утро мартовское, морозное, солнечное. Наст золотистый... Корочка хрустит под валенками. Но воздух пропитан полотнищами выхлопных газов и поэтому гор-чит...»

2

В начале 1942 года лейтенант Орлов, командир тяжелого танка КВ, пошел в свой первый танковый бой. Произошло это у деревни Дусьево близ железнодо-рожной станции Мга.

Мга, мгинские леса и болота... С того первого боя они станут частью его фрон-товых стихов. Столом ему служила танковая броня.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.
А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

Сергей Орлов

Командир танковой роты 33-го гвардейского тяжелотанкового полка прорыва Григоренко вспоминал: бой с первой минуты пошел по трудному варианту. Нужно было овладеть высоткой. Но еще на подступах к ней тяжелые КВ начали застревать, останавливаться, поскольку не могли маневрировать среди старых рвов и воронок. Но приказ есть приказ, и боевые машины вышли к намеченному рубежу. С командирами взводов Григоренко поддерживал связь по радию. «Вот лейтенант Орлов доложил, что успешно начал бой: разбил две противотанковые пушки, а третью огневую точку пока не может обнаружить...»

К вечеру бой утих. Танкисты собрали убитых. Раненых санитары увезли в тыл. Ремонтники отбуксировали поврежденные машины к передвижным ремонтным мастерским.

Мы ребят хоронили в вечерний час,
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли...
Утром бой закипел с новой силой.

У Сергея Орлова есть неоконченная поэма. Ее он писал уже после войны. В ней, даже незавершенной, все точно, жарко и жестоко.

Метнулись командоры от орудий,
Безмолвно что-то офицер кричал,
Когда пошел на них крутою грудью,
Как горы, белокаменный металл.
И, только каску отстегнув, отпетый
В мундире войск СС головорез
Встал перед танком молча с пистолетом,
Гремящему свинцу наперерез.
Привыкший красоваться на расстрелах,
Палач из Бухенвальдских лагерей,
Он бил в Андрея тщательно, с прицела,
Но кобуры не расстегнул Андрей.
И, глазом расстояние прикинув,
Как будто бы на мушку изловив,
Он в микрофон механику машины
Спокойно бросил краткое: «Дави!»

На фронте Сергей Орлов писал много. Чуть только затишье, экипаж тщательно маскирует боевую машину, а командир вытаскивает из промасленного комбинезона заветную тетрадь и начинает записывать строчки, которые уже накопились. Его стихи охотно печатали армейская и фронтовая газеты. И потому, что это были — стихи, а стихи тогда народ любил и читал с удовольствием, с восторгом. И потому, что в его стихах, как в репортажах, хорошо просматривалось поле боя, действия танковых экипажей, прочитывалось их боевое настроение и готовность к самопожертвованию, искренняя любовь к Родине.

После боев в районе Мги полку присвоили наименование Мгинский. Полк находился в распоряжении Резерва Главного командования. В качестве главной пробивной силы гвардейцы-танкисты участвовали во всех крупных операциях в районе Ленинграда, в том числе и в операции «Искра», когда войска Ленинградского и Волховского фронтов сняли блокаду города.

Однажды, это произошло еще в районе Мги в 43-м, танк лейтенанта Орлова был подбит на нейтральной полосе. Болванкой из немецкой противотанковой пушки сорвало гусеницу. Танк замер. Покидать боевую машину с таким повреждением было нельзя — трибунал. Вести одиночный бой тоже бессмысленно — тут же добьют, сожгут сразу, как только поймут, что танк жив. До своего боевого охране-

ния около тысячи метров. До окопов пехоты — еще дальше. Благо, случилось это уже в сумерках, а за ночь КВ замело, завалило снегом, так что утром немецкие артиллеристы как ни шарили по перелеску биноклями, но подбитого накануне танка так и не обнаружили. Сергей Орлов потом вспоминал, что машина вскоре остыла, и от их дыхания внутри все обметало инеем. К железу невозможно было прикоснуться — тут же обжигало морозом. Именно там, в первую же ночь, он начал писать стихотворение «В подбитом танке».

Его муза, как и смерть, никогда не покидала его, всегда ходила рядом.

Экипаж ждал, что подойдет пехота. Ведь не могли же в окопах не заметить, как по их КВ молотили немецкие пушки, как высекали из брони снопы искр попадания, как в конце концов танк, сбросив гусеницу, остановился, замер. Первая ночь прошла в ожидании. А вторую и третью экипаж ремонтировал гусеницу в одиночку. И отремонтировал! КВ своим ходом вернулся в расположение гвардейского полка.

Правда, полковой писарь уже успел отправить родным похоронки.

3

Однажды в танковый полк приехала делегация ленинградских писателей. Писатели привезли свои книги, провели беседу. Группой руководил известный писатель, полковник, давний знакомый главного редактора газеты «Ленинский путь» 8-й армии подполковника Н.С. Гричука. Полковник потом вспоминал: «Вчера были у танкистов. Душевно общались. А потом вышел розовощекий лейтенант и начал декламировать свои стихи. Я был потрясен. Это большой поэт, будущее советской поэзии. Берегите его. Возьмите к себе с редакцию!

— Пробовали уже, — отмахнулся редактор. — Вышли на зама командующего фронтом — генерала танковых войск. Он даже слушать не стал — у вас газету может делать любой человек, а лейтенант с сорок первого года на фронте, инициативный, смелый, в бою незаменим. Тем более предстоит наступление. Я его никому не отдам!»

В 1944 году старший лейтенант Орлов командовал танковым взводом. Танковый взвод — три боевых машины.

Шла Ленинградско-Новгородская наступательная операция. К середине февраля 2-я ударная армия успешно расширяла плацдармы, готовясь к овладению городом Нарвой. В псковском направлении наши 42-я, 67-я, 8-я и 54-я армии продолжали преследование сбитой со своих позиций группы армий «Север». Немцы в этих обстоятельствах начали усиленно укреплять Псковско-Островский укрепрайон, для чего стремились выиграть время, все еще надеясь остановить советское наступление на промежуточных рубежах.

В эти дни преследования отступающего врага 33-й гвардейский Мгинский тяжелотанковый полк почти не выходил из боев. По архивным данным, на 1 февраля полк имел боеготовыми 25 танков КВ-1, 3 танка МК-4.

С 7 по 9 полк был введен в бой у населенных пунктов Теребунь и Щелино.

С 10 февраля в строю осталось 7 танков КВ-1 и 2 танка МК-4.

С 17 по 22 февраля полк вел бои у Населенных пунктов Гора и Уторгош. В первый же день под огонь противотанковых орудий попали три боевых машины и сожжены. Целиком погибли экипажи гвардии лейтенанта Георгия Караваева и гвардии младшего лейтенанта Ильи Фролова. Из горящего танка удалось вытащить тяжело раненого командира взвода гвардии старшего лейтенанта Сергея Орлова.

Сергей Орлов обгорел, к тому же осколок брони ударил в грудь, но, к счастью, попал в медаль «За оборону Ленинграда» и отколошетил.

Учила жизнь сама меня,
Она сказала мне, —
Когда в огне была броня
<...>
Держись, сказала мне она.
И верь в свою звезду,
Я на земле всего одна,
И я не подведу.

Госпиталь. Трудное возвращение к жизни. Обгорелое лицо и руки. Обгорелое, оплавленное тело восстанавливается долго, а порой и вовсе не восстанавливается.

Вспоминаю из детства. Мы, послевоенные, росли среди фронтовиков. Это были наши отцы и деды. Мы видели их раны и увечья и привыкли к ним. У кого-то не было руки, у кого-то — ноги. Кто-то был исполосован шрамами. Но были и особые раны — ожоги. Безбровые лица с жуткими паутинами кожи, похожими на расплавленную пластмассу. Их, обожженных, называли «танкистами». И действительно, все они горели в танках.

А сколько сюжетов оставила жизнь, а потом запечатлела литература, о том, как обгоревшие танкисты после госпиталя возвращались домой, к женам и матерям, о том, как их принимали или не принимали...

Довелось возвращаться после госпиталя и Сергеем Орлову. Многие друзья и родня его просто не узнавали. Испугалась, увидев его, и невеста. Отношения их сразу же прекратились. Просто сказать, что Орлов этот разрыв сильно переживал, ничего не сказать.

Что делать? Чтобы не выгорела, как танк, душа, сразу же бросился в учебу. В стихи. Хотя после войны пробовал писать прозу. Поступил на филологического отделения Ленинградского университета.

В 1946 году издал книгу стихов «Третья скорость». Третья скорость для танков — скорость особая. На третьей скорости танки шли в бой.

Война окончилась. Но из своего КВ Сергей Орлов так и не вылез. Стихи окончательно захватили его. Вскоре он переехал в Литературный институт им. М. Горького в Москву. В 1954 году его окончил.

4

Сразу после войны Сергей Орлов познакомился с поэтом-фронтовиком Михаилом Дудиным. Дудин помог ему издать «Третью скорость». О том, как это произошло, впоследствии вспоминал: «Я сидел почти по Блоку: “в шинелишке солдатской с физиономией дурацкой”... Но Михаил Дудин, прочитав мои стихи, не стал говорить о них со мной. “Что будем делать?” — спросил он меня, а может, и не спрашивал. Не помню: это давно было. Он только подумал, что делать дальше, и отнес тетрадку в издательство, и стал редактором моей первой книги. Такое было время. Мы были молоды и знали все друг о друге, хотя виделись в первый раз».

Последняя фраза, пожалуй, не меньше иного стихотворения. То, что в ней лежало, было величайшим достоинством того поколения.

В этом сборнике было стихотворение, которое теперь вспоминается первым, когда произносят имя Сергея Орлова — «Его зарыли в шар земной...»

Валерий Дементьев: «8 августа сорок шестого года составитель и редактор Михаил Дудин подписал к печати “Третью скорость”, стихотворную книгу, показавшую всем, что в советской поэзии зазвучал еще один сильный и уверенный голос. Во всяком случае, друзья не напрасно острили, что Сережа Орлов вошел в большую литературу на третьей — боевой — скорости. В этой шутке было заложено зерно истины; с тех пор литература о Великой Отечественной

войне уже не мыслиться без этой книжки, без ее автора — поэта-танкиста, поэта-фронтовика».

Однако литературная критика на первых порах встретила книгу стихов Сергея Орлова резкими, почти враждебными рецензиями. К примеру, в «Литературной газете» («ЛГ» 5 октября 1946 г.) лучшее стихотворение сборника «Его зарыли в шар земной...» атаковали особенно яростно. Стихотворение называли «нытьем», «ноющей жалобой», «безвыходной и размагничивающей тоской». Критик Анатолий Тарасенков, пожалуй, самый сдержанный из этого хора, фронтовик, но тоже хлестнул: «... исторического воздуха победы... не видно в книжке стихов Сергея Орлова».

Ни вдохновения на дальнейшую работу, ни настроения вообще, ни жизненных сил эти плевки не прибавляли. Плевки есть плевки...

Но за поэтом Сергеем Орловым стояли его боевые товарищи. Потому что свое «старинное дело» он начал на фронте. Стихи появлялись в перерывах между боями. Ни им, пахнущим порохом и газойлем, ни своим боевым товарищам, особенно мертвым, изменять было нельзя.

В 1948 году вышла поэтическая книга с характерным названием «Поход продолжается». В 1952-м — «Радуга в степи». В 1954-м — «Городок».

Дружба с Михаилом Дудиным продолжалась. Совместно они написали сценарий для художественного фильма «Жаворонок» (1964). В фильме звучат песня-стихи «Его зарыли в шар земной...», положенные на музыку и исполненные Майей Кристалинской. В 70-е годы «Жаворонок» показывали часто. Он по праву считался классикой советского кино о войне. В последнее время появилось несколько, по сути дела, копий, поставленных по мотивам «Жаворонка». Но все они — жалкое подобие кино о войне, которое в прошлом веке было поднято на уровень настоящего искусства.

5

Сергей Орлов работал много. Книги выходили одна за другой.

В 1970 году его избрали в секретариат правления Союза писателей РСФСР. Он перебрался и в Москву.

Рубцы на лице с годами стали разглаживаться. Но память разгладить не могли ни годы, ни новые обстоятельства и условия жизни. Всю жизнь хранил комсомольский билет за номером 4235182, пробитый осколком, и медаль «За оборону Ленинграда», искореженную другим, более крупным осколком. Танкисты знают: когда броневая болванка попадает в танк, то, если даже она не пробивает броню, от внутренней части бронелистов или башни окальваются осколки разной величины и формы и ранят экипаж. Они впиваются в лицо, в руки, ослепляют глаза, прожигают одежду.

Михаил Дудин: «Я не знаю, куда затерялась эта самая медаль “За оборону Ленинграда”, его, Сергея Орлова, медаль, которую он мне показывал, медаль искореженная и смятая. Когда она была новой, он носил ее над левым карманом гимнастерки, над сердцем. И она защитила его от смертельного осколка в бою. Осколок смял ее и исковеркал ее вместе с комсомольским билетом, но сердце тогда осталось целым».

6

Тема родины оставалась для поэта такой же неиссякаемой и дорогой, как и тема войны. Белозерская земля. Вологодчина. Как много поэтов она дала русской литературе! Александр Яшин, Сергей Орлов, Ольга Фокина, Николай Рубцов, Виктор Коротяев...

По родине скучал. И на фронте, и потом, всю жизнь.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах уголок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек.

И взор твой незабвенный и лукавый,
Взор любящий навек моей судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, разметав чубы...

Родина, ее видения вспыхивали в нем, сияли и тут же перемежались с видениями войны, лицами боевых товарищей.

Умер Сергей Сергеевич Орлов 7 октября 1977 года. Похоронен на Кунцевском кладбище.

Понимая, что скоро конец, он составил итоговую книжку «Костры». Вышла она уже после смерти поэта, в 1978 году.

Юлия Друнина, с которой он дружил, посвятила Сергею Орлову поэтический цикл «Под сводами» — тринадцать стихотворений.

Я в этот храм
Вступила ненароком —
Мне попросту
В дороге повезло.
Под сводами
Души твоей высокой
Торжественно мне было
И светло.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Поход продолжается. Стихи. — М.: Молодая гвардия, 1948.
Стихотворения. — Л.: Советский писатель, 1956.
Стихотворения. — М.-Л.: ГИХЛ, 1959.
Память сердца. Стихи. — М.: Воениздат, 1960.
Лирика. — Л.: Лениздат, 1966.
Дни. Стихи. — М.: Советский писатель, 1966.
Избранное в 2-х т. — М.: Художественная литература, 1971.
Верность — М.: Современник, 1975.
Стихотворения. — М.: Детская литература, 1976.
Собрание сочинений в трех томах. — М.: Художественная литература, 1980.
Порохом пропахнувшие строки. Книга стихов. — М.: Молодая гвардия, 1986.
Стихотворения и поэма. — Л.: Лениздат, 1986.

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

- Орден Октябрьской Революции.
Орден Отечественной войны 2-й степени.
Орден Трудового Красного Знамени.
Медаль «За оборону Ленинграда».
Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
Государственная премия РСФСР им. М. Горького (1974) — за книгу стихов «Верность» (1973).

Василий Субботин — поэт. Поэт известный. Когда-то его стихи декламировали со сцены. Они входили в антологии, посвященные военной поэзии. На фронте же он был военным корреспондентом дивизионной газеты. А после войны написал книгу удивительной прозы, которую написать мог только поэт и солдат. Книга называется «Жизнь поэта». И она вроде бы действительно *о жизни поэта*. Но настолько же — *о войне*. И уж что неоспоримо — что написана она старшим лейтенантом, вернувшимся с войны. Победителем, которому повезло и победить, и выжить. Которому повезло еще вот в чем: взять эпиграфом для своей книги прозы слова неизвестного фронтового поэта: «Никому неохота умирать на последней странице...»

Для себя я даже придумал возможный подзаголовок для этой книги — «Записки старшего лейтенанта».

1

Василий Ефимович Субботин родился 7 февраля 1921 года в Нолинском уезде Вятской губернии в деревне Субботята, она же Субботинцы, Пуговицино или Пуговицинская. Одно время деревня относилась к Буйской волости, потом к Татауровской. Вскоре семья перебралась в поселок Березовка близ Тюмени и до 1932 года жила там. Семья обосновывалась в Березовке на новых землях. Сводили лес, корчевали и выжигали пни, засевали хлебом новину. После, уже в советское время, отец будущего поэта Ефим Дмитриевич на новых землях, крестьянским трудом отвоеванных у леса и болот, организовал колхоз.

Василий окончил семь классов в школе села Татаурова. После школы работал пастухом и на полевых работах в колхозе.

Уже тогда начал активно сотрудничать с «Пионерской правдой» и журналом «Дружные ребята». Двенадцати лет написал пьесу, послал ее в редакцию в Москву. Стихи тоже писал. Но их не публиковали. Первые серьезные опыты в стихах пришли на фронте, в окопах.

В 1937 году умерла мать. Василий был старшим в семье, и надо было впрягаться в семейный хомут основательно, чтобы кормить младших. Уехал на Урал в Кизеловский район и устроился на угольную шахту. В 1939 году, чувствуя недостаток образования, поступил в политико-просветительскую школу в Перми. Направление на учебу дал комитет комсомола шахты. Вскоре школу перевели в Оханск, что на реке Каме. В 1940 году с третьего курса школы Оханским райвоенкоматом был призван в РККА. Направлен в танковые войска, которые укрепляли тогда особенно энергично. Порохом пахло уже и с востока, и с запада.

Война застала Василия Субботина на западной границе СССР. Он был башенным стрелком легкого танка. В бой вступил в первый же день. Всю горечь неудач сорок первого года он измерил собственными страданиями и личным мужеством. Был ранен.

Из рассказа «Впервые»: «Я помню, как в первый день войны мы, вкопав свои танки (не было горючего) и расстреляв все снаряды, выходили мелкими группами, стараясь держаться подальше, вдали от больших дорог. Ночью, в лесу, наскоро рыли окопчики, одиночные ячейки. Со своим старшиной мы копали одну — на двоих.

Никаких траншей, лишь наскоро, в ночь, иногда копали окопы, если успевали.

Василий Субботин

Только для того, чтобы назавтра их снова покинуть.

Только для того, чтобы пересидеть ночь, и если бы противник вздумал выйти на нас здесь, было бы где укрыться, на тот случай, если бы пришлось отстреливаться. Но, как правило, утром мы покидали эти ячейки, немцы нас обходили, были давно далеко впереди нас. Какие уж тут траншеи!

Из всего полка нас вышло несколько человек.

...А главное, совершенно было неясно, где немцы, где свои. Мы выбирались из окружения и попадали в новое. Немцы, двигавшиеся по дорогам, всегда оказывались впереди нас.

Война началась для меня на западной границе... Я один из немногих, оставшихся в живых. Один из родившихся в 1921 году.

Когда началась война, нам было по двадцать лет.

Нас почти не осталось.

В тот день — мы стояли тогда на окраине, в

казармах города Броды, в которых до нас размещались польские уланы, — утром, когда еще не встало солнце, нас поднял с кровати возглас дежурного: «Тревога!» Накручивая портянки и обмотки, еще не проснувшись окончательно, мы никак не могли сообразить, почему нас разбудили так рано, да еще к тому же в воскресенье. Никаких тревог в воскресенье не должно было быть.

Но когда я выскочил из казармы — я был посыльным к командиру роты и по тревоге должен был бежать к нему, — едва я выскочил из дверей, я услышал пулеметную очередь и, подняв голову, увидел низко прошедший над самой крышей самолет. Нет, сначала тень самолета, проплывшую по стене. Потом я уже увидел самолет. Я не успел ничего различить, ни на крыльях, ни на брюхе, никаких знаков...

В конце дня мы принялись оборудовать те окопчики, о которых я уже сказал. Танки у нас стояли на территории городка, «на катушках», и были законсервированы — гусеницы смазаны солидолом и уложены на крыло, а пулеметы вынуты из шаровых установок, разобраны и перенесены в казармы и тоже для предохранения покрыты густой смазкой.

Потом началось отступление».

Как трудно для нас начиналась война! И писатели, поэты, многие из которых еще и не знали, что они поэты, хватили этих невероятных трудностей полной мерой. Да, судьба им отмерила сполна. Словно заботясь о том, чтобы потом, когда проснется дар, никто из них ничего не забыл и чтобы помнили все и чтобы в любых обстоятельствах несли свою правду, как винтовку и не бросали ее.

Они и не бросали. И помнили все. Ничего не забыли. Константин Симонов не ради красного словца сказала о Василии Субботине: «Свою невидимую шинель Василий Ефимович Субботин не снимал ни на один день».

В 1943 году, после ранения, Василий Субботин окончил трехмесячные военно-политические курсы и — снова на фронт. На этот раз его направили в стрелковую дивизию в редакцию газеты «Воин Родины». Дивизия носила номер 150-й.

Должность корреспондента дивизионной газеты была сродни должности ротного политрука. Всегда в бою, всегда рядом с солдатами, всегда в окопах первого эшелона. Вот тогда-то, в окопах, и пошли настоящие стихи.

Поэт, поэт, весь мир перед тобою!
А перед нами — лишь окопа дно,
Но, может, этой самой ценою
Найти слова редчайшие дано.

Заметил же Сергей Крутилин, автор романа «Апраксин бор» о гибели 2-й ударной армии на Волхове: «...когда сидишь на дне окопа, звуки боя всегда слышатся лучше». В контексте темы, обозначенной старшим лейтенантом Субботиным, слова лейтенанта Крутилина вырастают в развернутую метафору.

Стрелковой дивизии, в которую волею судьбы попал Василий Субботин, предстоял огромный путь через калининские леса на Белоруссию, Прибалтику и на Берлин. А старший лейтенант Субботин, помня первые дни войны, носил фуражку сорок первого года. Из книги «Жизнь поэта»: «Я уже сменил степную кубанку на прежнюю свою фуражку, танкистскую, с бархатным околышем».

В издательстве «Советский писатель» в 1970 году вышла книга прозы Василия Субботина, в которую вошли две книги: «Жизнь поэта» и «Как кончаются войны». В ней, фрагментами, вспышками памяти, неожиданными ретроспекциями из настоящего в прошлое автор описал свою фронтовую сагу.

Вот, к примеру, из сорок первого и сорок пятого одновременно: «Знаете вы, что значит подняться в атаку первым? Первым, не первым, все равно! Знаете?

<...>

Я тогда в сорок первом поднимался — было мне легче. Наверно, потому, что молод был, и потому, что вторым... Но очень это запомнилось.

Теперь мне не надо вылезать наверх. Я могу оставаться в траншее...

Примолкшие, испуганные, даже подавленные пережитым, бойцы (только что была танковая атака) стараются дать мне дорогу, когда я прохожу.

Их не много... Я вижу, как они готовятся, как раскладывают по брустверу гранаты, убирают лишнюю, мешающую им землю... Все молча».

И — спустя десятилетия: «Мне странно сейчас смотреть на себя, того, двадцатилетнего, в тот мой окоп, в котором я сидел на Одере...»

А дальше — из повседневной работы дивизионного корреспондента: «Я проснулся в доме недалеко от переднего края. Когда все еще спали. Проснулся потому, что кто-то дергал раму. Вокруг гремело, дом наш весь сотрясаясь.

Я знал свое дело хорошо. Если уже началось, значит, мне надо идти. Никаких приказов дополнительных не требовалось... Мигом я собрался, перекинул через плечо старую сумку свою, тронул за плечо человека, спящего на кровати, и сказал ему, что я пошел.

Даже и дорогу мне искать не надо, шел на звук этой пальбы. Тут не очень далеко ведь! Было уже светло. И когда я по шатким, расходящимся под ногой, погруженным в воду мосткам переходил Одер, вставало солнце.

Ощущение радости утра рождалось во мне не только от бодрости и от прохлады... Наконец началось! Я только досадовал, что никто заранее ничего не сказал мне. Что не считают нужным нас, дивизионщиков, предупреждать. Ведь накануне небось всем все уже было известно. А вот не предупредили...

Сразу за Одером раскинулся плацдарм — долина, разъятая, обезображенная.

<...>

Сначала я попал на хорошо скрытую позицию к двум нашим минометчикам, братьям. Очень любопытная это была батарея. Командиром батареи был один брат, а командиром взвода другой. Оба тихие, неразговорчивые. Старший был в подчинении у младшего.

Анатолий мне обрадовался.

— Это ты? — сказал он, когда я влез к нему в землянку. Он сидел, согнувшись в три погибели...

Земляки у всех тут низкие — глубоко копать было нельзя. Близко была вода».

Это было начало последней крупномасштабной атаки фронтов — стратегическая Берлинская наступательная операция. Середина апреля 1945 года. 3-й ударной армии генерала Кузнецова выпала самая незавидная доля — начинать наступление через самый убойный рубеж — Зееловские высоты. Вместе с 61-й генерала Белова, 8-й гвардейской генерала Чуйкова и танковыми корпусами она смяла оборону немцев на этих проклятых высотах, казавшихся непреодолимыми, и вместе с 47-й армией с приданными танковыми соединениями начала обходить Берлин с северо-востока и севера. Однако боевые действия развивались так, что вскоре ее корпуса и дивизии перенацелили на Берлин, и ударные группы армии Кузнецова начали успешно и энергично прорубать коридор к центру города, к комплексу основных зданий, откуда все еще продолжало осуществляться управление оборонной главной немецкой цитадели.

Вместе с батальонами и группами первого эшелона, под пулями и осколками продвигался старший лейтенант Василий Субботин. Блокнот и карандаш он спрятал подальше в свою потрепанную полевую сумку, взял автомат и гранаты и пошел вперед. И все же здесь, на передке, он был не автоматчиком, а газетчиком. И, по совместительству, поэтом.

2

Наконец, плутая в дыму и суете наступающих войск, отыскал КП одного из полков своей дивизии.

«Я пришел не в самое лучшее время. Подполковник в своей этой более чем угнетенной позе, зажавши трубку в кулаке, кричал:

— Подожди, подожди, говорю! Скажи мне точно: сколько? — Вдруг он повысил голос, глаза у него побелели. — Сколько, я спрашиваю! Говори спокойно! Где? Справа, слева? Тридцать два?

Как будто все дело было в этом — два или тридцать два!

На них там шли танки.

Но подполковник знал, что делал: чтобы отвечать, надо было, по-видимому, сначала овладеть собой. Шутка ли — тридцать два танка!

Прошло какое-то время, и тут же врывающийся в блиндаж голос из трубки доложил: не тридцать два, а четыре.

— Слава богу, — сказал на это командир, — в восемь раз меньше!

Взглянул на наши напряженные лица и усмехнулся.

Я спросил, какая есть возможность пройти в батальон.

Сейчас как раз туда должен идти старшина, сказали мне. Потом выяснилось, что старшина сейчас идти не может, и мне пришлось идти с комсоргом батальона, который знал только направление. Я отыскал этого комсорга в щели, недалеко от землянки командира полка. Я разбудил его, удивившись, что он спит среди дня. Он хмуро посмотрел на меня и стал перематывать портянку.

— Почему не в батальоне? — спросил я и смутился, сам почувствовав, что не имею права задавать этого вопроса.

— Мне не положено там быть, — сказал он, — я должен трупы убирать.

Потом объяснил, что он не спал всю ночь.

Мы отправились. “Тут недалеко...” — сказал он мне.

Какое-то время мы шли по траншее. Потом траншея кончилась, и выступили холмы начинающейся слева возвышенности. Чаще стали пощелкивать пули.

По-настоящему нам так и не удалось ни разу разогнуться на всем этом пути. Хотя нам и не пришлось ползти. Комсорг мой, это выяснилось сразу, едва мы выбрались из поймы, дороги не знает, а идет, лишь полагаясь на чутье. Он так умело

отговаривался, когда я его прощупывал, что не поймешь — то ли знает, то ли не знает.

Мы теперь шли по краю залитой водой канавы. Что-то вроде канавы или старого канала, протекающего в узенькой долинке. Рва, заполненного водой.

В холодную, стылую вешнюю поду лезть не хотелось. Глубина рва ведь неизвестна, может, по горло, а может, и дна не достанешь. И вот, укрываясь за берегом того рва, стараясь не свалиться, двигались мы узкой кромочкой. То и дело оставались, чтобы отдышаться.

Хитрая задача — не свалиться в воду и не вылезть наверх, где тебя тут же снимут.

Все же мы то и дело вылезали. Высовывались после того, как соскальзывали вниз, и тогда раздавался выстрел.

Хитрая задача — ползти по краю почти отвесной стенки. Это почти что автоматическое действие: выставишь спину — и срабатывает пулемет.

Минуту спустя мы должны были оставить нашу канаву. Поперек легла круглая колючая проволока. Так называемая спираль Бруно. Она была опущена в воду, а из воды поднималась на высоту.

Мы с сожалением вылезли наверх.

В нескольких метрах на вздымающейся слева высотке — проход. Как видно, метнули гранату. А может быть, даже и две. Прогал довольно большой, широкий, если бы только не болтались во все стороны раскачивающиеся под ветром, разорванные концы проволоки. Опасное место!

Под проволокой уже лежал солдат в ватнике, убитый, должно быть, еще утром. Его серая, набрякшая, затертая землей спина была видна еще издали...

Как проскочить это место, не зацепиться, не угодить под пулемет... И не угодить под пулемет, и не зацепиться!

Не зацепиться было трудно.

Тут надо было прыгать.

Поглядывая на убитого, мы лежали в трех шагах.

Комсорг меня предупредил, чтобы я не сразу поднимался, а немного подождать. Действительно, едва он метнулся к проволоке, как раздалась резкая, распарывающая воздух очередь. Он был уже на той стороне проволоки и опять лежал на земле, я видел, что он проскочил удачно.

Собьет или не собьет? Мне пришлось долго лежать, пока не показалось, что можно вскочить.

О, черт! Так и есть... Я зацепился. Зацепился плащ-накидкой.

Случилось то, чего я больше всего боялся. Но я рванул — и она отцепилась...

Когда встаешь с земли — самый напряженный момент.

Очередь все-таки раздалась...

Хуже всего солдату, подноскику патронов. Мы его встретили только что, в канаве. Он переставлял ящики с цинками. Ящик тяжелый, лежать делать это нельзя, и он переставлял сидя... Мы были уже за проволокой, а он завяз и не мог перетаскать свои цинки. Пулемет бил по нему уже наугад.

Мы подхватили у солдата патроны, приняли их с рук на руки и подождали, пока он переберется сам.

И еще не перевалили и холмы, как оказались в траншее.

На нас сразу же зашикали:

“Тише! Тише!”

Это нас удивило. “Не разговаривайте громко — немцы рядом”.

Я уже увидел Твердохлеба, комбата, знакомого мне. Но как же мало их осталось!

Подходит замкомбата — маленький, чернявый, немолодой. Сам комбат — крупный, несколько мешковатый, то ли медлительный, то ли всю жизнь стесняющийся.

Я достаю небольшую записную книжку свою. Трофейную, в дерматиновой красной обложке, на первой странице которой написано одна-единственная строчка, чужая, так и не разобранный мной...

Комбат улыбается. Ему, я вижу, странно, как это я попал к нему сюда. В один только этот день он взял две траншеи и деревню. Их всего осталось человек пятнадцать...

Они обступают меня. Все они очень удивлены и оживлены, называют меня «редактором». Они, как видно, думали, что обречены. Брошены в этот прорыв и забиты. И вот к ним пришли, да еще из газеты.

Наперебой показывают мне только что подбитый танк. Он сполз вниз, под уклон, он все еще дымит.

Бойцы выглядят за бруствер с осторожностью. Стараются зазря не высываться. Только те, кто сюда попадает вот так сразу, лезут куда не надо. Я знаю этих мальчишек, не сознающих опасности. Ребят, которым все интересно...

Обыкновенный человек, попав на передовую впервые, думает, что ничего тут опасного нет. И в самом деле, как тут тихо, спокойно. Лишь те, кто живет здесь долго, ведут себя осмотрительнее.

Не напрасно они нас остановили, когда мы ввалились сюда... Так меня всегда встречают, когда я попадаю на передовую.

Бывалый солдат к брустверу подходит с осторожностью.

Я и сам был всю жизнь парнишкой неуклюжим, который ничего не понимает. Лопухим бойцом из пополнения.

Моя книжка разбухает. Я стараюсь записать всех. Знаю, что даже те, что стоят вдали, у бруствера, прислушиваются сейчас к тому, что говорим мы. Даже вот этот гордый черноволосый офицер, лейтенант с орденом Славы. Какое у него одухотворенное прекрасное лицо...

Но трудно мне их всех, кто стоит в этой траншее, в пяти метрах от немцев, делить на героев и не героев — обижать никого не хочется».

Запомним эту фразу, хотя бы часть ее: «...трудно мне их всех, кто стоит в этой траншее... делить на героев и не героев...» Она нам еще пригодится, и не раз.

«Мне надо уходить. Уже темно, и я тороплюсь.

Сколько раз я приходил вот так... Все эти последние полтора года. Приходил и уходил. Приходил в полдень, а то и к вечеру, а уходил к ночи. Мне было легче, чем им. Я не каждую ночь проводил в траншее.

Я мог и уйти с передовой, если хотел. Мог поискать ночлег».

Василий Субботин попал в дивизионку не с призывного пункта, не из военкомата и не из военного училища, а из окопа, вернее, из танка, после ранения. И, проговаривая «я мог и уйти с передовой...» и «мне было легче...», явно испытывал неловкость по поводу несвободы бойцов и командиров, дравшихся в передовых траншеях. Как офицер и солдат, он чувствовал долг — быть рядом со своими боевыми товарищами. Оборонять захваченную траншею. Готовиться к атаке на очередную, там, в глубине немецкой обороны. Быть в готовности отбить контратаку, даже танковую. Все они здесь, в предместьях Берлина, были не новички на войне, не *лопухими бойцами из пополнения*...

«Возвращаемся обратным прежним путем, опять пробираемся по топкому и скользкому берегу. Убитого уже убрали. Под проволочным заграждением теперь лицом вверх лежит сапер и ножницами режет проволоку. Все еще потрескивает тот невидимый, с фланга, пулемет, но пули идут вверх и скользят, и вызывают по проволоке.

В темноте приходим мы на свой НП...

Вот что было в этот день».

Снова и снова уместно вспомнить Кульчицкого: «Война — совсем не фейерверк, а просто — трудная работа...»

Трудная работа. Работа между жизнью и смертью. Постоянное балансирование. Балансирование, правила которого устанавливаешь не ты. Ты не можешь их даже скорректировать. Но можешь быть осторожным, осмотрительным, как солдаты из «старичков», которые из любопытства из-за бруствера голову не высовывали. Только и всего. Василий Субботин дает лаконичный и точный очерк солдатской работы, где перед пулей равны и рядовой, и офицер, потому как — передовая! Первая траншея, где и разговаривать-то громко нельзя — прилетит граната с той стороны, из-за проволоки, на голос. Граната или серия мин. Вот бойцы молча готовятся к очередной танковой атаке, убирают с бруствера лишнюю землю. Хозяйство у них простое. Но оно должно содержаться в постоянном порядке. Вот сапер, как сантехник под трубой, лежит под проволокой и спокойно режет ее, готовит проход для пехоты.

Война совсем подошла к концу. Фрицев добивают под Берлином. В дыму, впереди, по утрам, когда воздух немного яснее, в стереотрубу видны шпили соборов. Завтра будем там, думают войска и дозаряжают диски автоматов, набивают патронами ленты для «максимов» и крупнокалиберных ДШК, изучают карты с нанесенными на них линиями обороны противника.

Завтра...

Вот так *кончатся войны...*

3

«Поднявшаяся пыль висела над нами, в небесах, все время, пока мы шли к Берлину. Но особо густой она была в тот первый день.

Если бы пошел дождь, он, наверно бы, лил вместе с землей и пеплом, как при извержении вулкана...

В первый день мы продвинулись на одиннадцать километров.

Потом, на другой день, произошла остановка. Но опять все загудело, все началось сначала.

Наступали мы с Кюстринского плацдарма. На Одер мы пришли со своей дивизией всего недели за две до наступления и обосновались сначала в каком-то небольшом, уютно обставленном доме на отшибе.

Одера самого я не видел, никто из нас его не видел.

Сразу от нашего крыльца тянулся большой сосновый лес, а проехав этот лес, можно было попасть в городок. Когда мы пришли, в лесу сохранялись еще островки нарастающего снега.

Дни стояли серые, однообразные. Предвесеннее солнце пряталось неизвестно где...

Мы стояли на Одере, в самого Одера не видели. А поглядеть на Одер хотелось! Полки наши были выведены, а вернее, их еще и не вводили. Здесь, в нескольких километрах от переднего края, от одерского плацдарма, на одном из озер в этом лесу они учились преодолению водной преграды.

Что за Одер, какой он? Слухи были разноречивые. Одни говорили, что наши на дамбе. Но с какой стороны? На той? Или на этой? Находились знатоки, утверждали, что плацдарм уже отвоеван, и Одер форсировать нам не придется.

Просыпаясь по ночам, я слышал, как бомбят Берлин.

Тогда-то я и забрался на вышку.

Если сказать яснее, никакой вышки не было, была кирха. Я забрался наверх, «на колокольню». И мне удалось тогда же увидеть Одер. За лесами, в стороне, блеснула его узкая холодная полоска. Но особенно хорошо помню ту дрожь, которую

я испытал, когда поднялся на кирху, дрожь и этот холодок под коленками. Давно забытое ощущение высоты.

А первый раз я попал на Одер, когда полки наши заступили свое место.

Неожиданно Одер оказался очень широким, разлившимся во все стороны, заблудившимся в плавнях.

Пришел я ночью и только днем его увидел по-настоящему.

Он был весенний, еще весь мутный, белесый. Я шел по понтонному мосту, тогда уже полузатонувшему, уходящему все глубже под воду...

Вот так это все было. Теперь я все рассказал. Когда батальон Твердохлеба вел бой в глубине немецкой обороны, я был на Одере вторично.

Но это была только разведка боем...

<...>

Когда сегодня мы подъехали к переправе на Одере, я стоял на мосту — машина ждала своей очереди, — стоял у края этого колеблющегося, качающегося, навешенного понтонерами моста. Как все в этот день — возбужденный, увлеченный потоком людей, двинувшихся за Одер.

Я был весь какой-то взбудораженный, будто пьяный.

Я прыгал на этом наплавленном мосту. Мне было весело, и всей этой ночи, которую я спал в окопе, ее будто не было, ее будто рукой сняло.

Я — пьяный — стоял на качающемся мосту и, проваливаясь, раздавал газету. Я что-то кричал, как все, беспричинно и радостно ругался, размахивал руками и газетой. Удивительно, какое было утро.

<...>

В том месте, где мы переезжали Одер, немецкая траншея была к реке ближе. Она проходила сразу на высотах, где повыше. Район плацдарма, где я вчера лазил, и ров с водой были не здесь, а левее. Но местность была одна, как и всюду сплошь изрытая траншеями, окопами. Однако никаких зубов дракона, ничего такого, чем нас пугали, ни противотанковых рвов, ни мощных железобетонных сооружений, ничего такого здесь не было.

Но сама уже местность за Одером для немцев была выгодной. На западном берегу — по-над берегом — за этой поймой тянулись высоты. По ним и проходил передний край. Вторая линия их обороны.

Мы как раз проезжали эти высоты. Сразу, как мы поднялись на холмы, рядом с дорогой, на одном из этих холмов стоял дом, и он всюю горел.

Мы объехали этот горящий дом, спустились вниз, в долину, и лишь тут, в трех или даже четырех километрах от Одера, я увидел трупы. Не в траншеях, а на скате лежало несколько человек в зеленых одеждах. Первые увиденные мной на Одере убитые...»

Есть у Василия Субботина рассказ «Дивизионный корреспондент». Начинается он так: «Не все знают, что по дорогам войны Двенадцатого года двигалась такая странная повозка, доверху нагруженная колымага... Это было не что иное, как полевая походная типография, в которой печатались листовки к солдатам французской армии, сводки и приказы светлейшего. Своего рода боевые листки. Первая армейская походная редакция. И с ней шел, в ней в это время находился Василий Андреевич Жуковский. Поэт. Прославленный певец во стане русских воинов...»

Наши армейские, наши дивизионные фронтовые редакции на дорогах войны, в потоке наших войск и были такими вот полевыми походными типографиями-редакциями. А молодые поэты, мы, молодые журналисты, вчерашние солдаты, — не кем иным, как певцами во стане русских воинов.

У наших соседей машины не было, дивизия была бедна, у них было две лошади. А у нас была старая разбитая полуторка, закрытая, с обшитым досками кузовом.

В редакции я считался самым младшим работником и носил звание литературного сотрудника. Все мы этого своего звания — я и мои товарищи в других дивизиях, — слова этого не любили: сотрудники — это те, которые сидят в конторах! — и называли себя дивизионными корреспондентами. Корреспондентами дивизионной газеты. Что, по нашему мнению, куда более соответствовало и должности, и характеру нашей работы... Конечно, на взгляд человека невоенного, непосвященного, все работники газет и все корреспонденты на одно лицо. Будь то корреспондент самой “Красной звезды”, корреспондент газеты фронта или литсотрудник дивизионной газеты. Но мы-то хорошо знали, в чем тут разница.

Кем я был на войне?

Для нашего редакционного печатника (он же начхоз), тем более для какого-нибудь закоренелого штабиста я был почти героем, человеком переднего края. Тем, кто лез в самое пекло. В глазах же какого-нибудь взводного я и сам был тылови́ком, изредка, раз в неделю, приходившим к нему в траншею.

Редакция дивизионной газеты представляла собой этакий цыганский табор. В деревянный, разошедшийся кузов полуторки было спихнуто все немудреное хозяйство редакции — наборные кассы, бумага, перепачканные типографской краской шинели и ватники, вещевые мешки и, наконец, люди: два-три наборщика, печатник, редактор, его зам, секретарь и ты — литсотрудник.

Сама газета была маленькая. Обыкновенная двухполоска. Лишь немногим побольше листа бумаги писчей. Выходила она через день.

Но я возвращаюсь к должности корреспондента.

Корреспондент дивизионки — это даже не чин: он был существом, которому никто не подчинялся, зато сам он подчинялся всем.

Он главным образом ходил, и в этом заключалась его работа. Пять дней в неделю он ходил, а на шестой-седьмой — отсыпался. А иногда и не отсыпался и не “отписывался”. Если обстановка менялась, снова шел... Сегодня в один батальон, завтра — в другой. Ходил с переднего края в редакцию и обратно.

Сновал как челнок.

Батальон выводили из боя, но ты переходил в другой, который вводили в бой. Чтобы все время иметь нужную информацию. Основной ходячей единицей был корреспондент.

Писать приходилось все. Оперативный репортаж, боевую информацию и так называемый “боевой опыт”. Статьи для отдела боевого опыта. Сегодня о пулеметчиках, завтра об артиллеристах. Послезавтра о минометчиках.

<...>

Иногда подолгу стояли где-нибудь в овраге, в чужих, иной раз даже немецких блиндажах. И тогда, когда так долго стояли на месте, все тропы и все дороги становились известны, и можно было заранее знать, где находится тот или иной полк. Его легко было найти.

Вообще же поиски эти — одна из самых больших трудностей в деятельности дивизионного корреспондента. Каждый ведь раз идешь в другой полк, в другой батальон. Из дивизии — в полк, из полка в батальон, а из батальона в роту.

Затем — во взвод, в отделение или на наблюдательный пункт.

Ты — не полковник. Даже не командир взвода. “Свиты” у тебя нет, связного тоже не положено. Так что всегда идешь один. Хорошо, если еще в пути тебе попадется какой-нибудь санитар или повозочный, доставляющий боеприпасы.

<...>

Я видел много примеров героизма. Подлинного. Повседневного. И душевной красоты, и самопожертвования, и главное, главное — терпения в преодолении тягот войны.

Расскажу и вовсе маленький эпизод. Это было зимой в сорок четвертом году на

Калининщине. Меня встретил начальник наш и сказал мне, что в дивизии у нас произошел такой случай: солдат один лег на проволоку, чтобы по нему могли пройти... Под огнем.

Это было так. Младший сержант, татарин, фамилия его Саитгалин, так и лег на проволоку, на спираль Бруно. И тогда по нему, как по мосту, прошли бойцы его отделения. Я это видел.

<...>

Из девяти дивизионных корреспондентов, моих товарищей, работавших в других дивизиях армии, таких же, как я, молодых ребят, — почему-то почти все мы писали стихи, — в живых осталось немного. Трое были убиты, двое тяжело ранены.

Мы иногда встречались в больших фронтовых дорогах, в местах выхода из своих частей. На фронтовых перекрестках. Я теперь вижу, как много в нас было общего. Все мы были в чем-то друг на друга похожи. Сверстники. Худые, черные от ветра, от мороза. В грязных полушубках, в зеленых плащ-накидочках. С неизменной планшеткой через плечо... Не всегда с пистолетом.

<...>

Какое это было поколение... Как штыки! Если бы нам сказали. Если бы эту силу взять в руки. Мы легли бы там, где нам показали, и защитили страну... Заслонили Россию. Никто бы не побежал. *(Это — о сорок первом, об отступлении, о невозможности остановить наступающего врага. О том, что бегущие ждали приказа занять позицию и умереть, а приказа такого не поступало... — С.М.)*

<...>

Войска, войска, куда ни глянешь. Колонна растянулась, люди идут уже по краям дороги, не строем, а друг за другом.

Оружие делается все тяжелее.

Спускаемся в овраг... На дне оврага протекает ручеек, и мы переходим его вброд. Поднимаемся наверх. И неожиданно у дороги, тут, перед немецкой траншеей, в нескольких метрах от траншеи, у выхода из этой низины — могила и танк. Могила и танк, и траншея. Все вместе.

Да, рядом была траншея, с бруствером, обращенным в сторону нас. И перед ней, в двух метрах от нее, танк. Подбитый английский танк. Да наш, какой английский! Просто полученный из Англии.

А рядом с этим танком — свежий глинистый холмик. И на дощечке надпись. Танк был сгоревший.

«Первым шел на Берлин». Имя. И — «Убит здесь. В танке».

Надпись на дощечке была выжжена тем же — тем же раскаленным гвоздем.

Наш паренек. Танкист».

Потом об одерском плацдарме напишутся стихи:

Под треск, и уханье, и гул
Противник все втоптал в трясину...
Лишь вспять реку не повернул
И нас в нее не опрокинул.

Идрицкая «болотная» шла севернее Берлина, в составе крупной группировки охватывая город, но потом поступил приказ: повернуть на юг, и она ворвалась в берлинские кварталы. Корреспондент дивизионки старший лейтенант Субботин со своими распухшими от записей блокнотами в полевой сумке двигался вместе с наступающими войсками. «Войска, войска, куда ни глянешь...» Пожалуй, никто в таких подробностях не рассказал о Берлинской наступательной операции так проникновенно и точно, как это удалось Василию Субботину в послевоенных рассказах.

Василий Субботин писал свою книгу рассказов «Как кончаются войны» после войны. Но, кажется, что она написана во время боев. Помогли именно те корреспондентские блокноты, которые сохранили имена бойцов и командиров, живые эпизоды боев, выписки из боевых приказов, бытовые сцены и прочее.

Судьба предлагала бывшему старшему лейтенанту снять офицерскую шинель, как это сделали многие из его сверстников, отодвинуть от себя войну и писать о новой реальности, о созидании и строительстве новой жизни, новых отношений. Но шинель словно приросла к плечам поэта. Время от времени приезжали однополчане. Садились за стол, вспоминали. Многое надо было расставить на свои места, потому что именно тогда, в апреле-мае сорок пятого, в 150-й стрелковой дивизии произошли многие события, подлинную точность которых не удастся установить до сих пор.

4

«...давно уже бои идут в самом Берлине.

Бои идут в самом городе, а прорыв был на Одере.

Эти семьдесят километров от Одера до Берлина преодолели мы довольно скоро, но потом долго еще кружили, попадали из одного городка в другой. Мы так долго были в предместьях, что, когда начался сам Берлин, мы не поняли этого сразу. Никакого ведь указателя на то не стояло.

<...>

Как мы шли к Берлину?

Сначала мы шли к нему напрямик, в лоб, потом повернули и стали обходить. Самый смысл движения этого, нашего маневра, нам был непонятен. Нам давно надоела и грязь, и бездорожье, нервозный и капризный апрель. Солнечные дни сменялись хмурыми. К тому же вблизи Берлина, на подходе к нему, начались дожди. Все раскисло... Земля сделалась мягкой, сапог глубоко лез в нее. И войска наши все больше месили ее.

Мы незаметно втянулись в Берлин. Так же незаметно, как прежде, днем раньше, втянулись в селение, оказавшееся пригородом. А потом еще и еще в новые цветущие селения. Должно быть, цвели яблони, вишни уже отцвели... И берлинская глава этой летописи нашего наступления, ее вторая часть, началась для меня с этой улицы и с этой цветущей стоянки.

Что это была за улица? Вероятно, это та, на которую мы потом переехали. Мюллерштрассе. Посредине нее, на дороге, ногами вверх, лежали лошади и стояла батарея.

Артиллерия прямо на улицах. Шестиорудийного состава батарея открыто стояла посреди улицы и вела огонь. Где была пехота, где проходил передний край, стреляла ли батарея по закрытым целям, или же впереди, за домами, были немцы — этого понять мы не могли.

Я стоял с лейтенантом, пробовал ему что-то кричать, лейтенант взмахивал рукой, из стволов вырывалось пламя. Был слышен только звон стекол, летящих сверху на мостовую, на тротуар.

В городе дивизия вела бои впервые.

Почему так оно в памяти, это цветение? Окружаемый город и чистое пламя цветения на его заставах.

В предместье я помню одну дачку, маленькую, чистенькую, видимо, недавно покрашенную.

Окна ее были распахнуты. Мне еще запомнилось, какие белые на окнах у нее были занавески. Потому что как раз из этих окон и стреляли. Я пересекал всползший огород, когда раздалась очередь.

Из дачи — обстреливались. Сад был вскопан, поэтому я сразу же завяз. Завяз, попал под огонь, а потом долго выбирался на тропинку.

Эти цветущие сады вокруг обложенного города — первое и, может быть, наиболее яркое впечатление, оставшееся у меня от тех дней. После другого — солдатской колонны, идущей по размытой и разбитой дороге, и самолетов, летящих над самой дорогой, и солдат, солдат, которые давно перестали разбегаться. Идут себе и идут.

Но всего лучше помню я свой выход из редакции. Да, вот как раз это! Как из затопляемого цветением предместья переносюсь я железобетонный Берлин. Из части возвратился я в тот же день, не ночевал, принес заметки об уличных боях, и в вышедшем у нас утром номере появилась статья “Борьба за каждый дом”...

Редакция находилась в пригороде, среди цветения. В Берлин я вошел вместе с ротами наступающих, с полком.

<...>

До центра города было еще далеко, и мы не знали, что представляет собой город. Да мы и не думали об этом! Мы были в Берлине, но если бы меня спросили, как выглядит город, я бы не сказал... Мы прорываемся к центру, но мы даже представить его себе не можем. Ведь Берлин был первым городом большим, который я видел. Удивительно ли это для солдата, который пришел в Берлин юнцом, выросшим на печке, в тайге! Нужно было, чтобы война бросила на свои дороги меня и чтобы столица немецкого рейха стала первым городом — крупным, на мостовые которого мы вступили.

<...>

Когда мы приходили в немецкие дома, — в особенности там, на Одере и в Померании, где дома были брошены, — солдат срывал с окна шторы, гардину и разрывал ее на портянки. Тут же меняли, сбрасывая свои старые и перепревшие. В шкафах переворачивали ящики и коробки, разыскивали носки да белье. Единственное, что было нужно солдату. Носки да еще белье...

Но даже и носки, мы не сразу это заметили, трудно было отыскать новые. Вернее, только сначала эти вещи казались такими. Пока они были свежими и выглаженными. Мы так потом привыкли к этим аккуратно заштопаным носкам, что, казалось, нас больше бы удивило, если бы попались новые.

<...>

Мы долго ехали, и долго нас трясло. Перекинутая через плечо на ремешке, была на мне плоская сумка... Ее всю раздуло... Вздувшаяся от корреспондентских блокнотов, кривобокая. Будто у нее болели зубы... Промеж заметок были строки ненаписанных стихов.

Я сидел в кузове. Пришла одна строчка, другая. И я — как-то сразу успокоился... Как всегда, здесь было единственное удобное место. Я так приучился. Как только снаряжали машину и я влез в кузов, так я начинал наборматывать. Иногда выходили складные строки. Болтало сильно, но, должно быть, это как раз помогало».

Любопытная деталь. Во время берлинский боев редакция дивизионной газеты 150-й Идрицкой стрелковой дивизии находилась в одном из помещений Моабитской тюрьмы. В августе 1943 года здесь сидел в одной из камер поэт Муса Джалиль. Здесь он писал стихи, которые через годы вернутся в Советский Союз и выйдут отдельной книгой «Моабитская тетрадь».

«В Моабит я пришел двадцать восьмого днем. В Моабите был пока наш НП.

Мы допечатали газету. В вышедшем номере были мои стихи, те, что я писал еще за Одером, и мой же репортаж о боях за некий населенный пункт. (Так назывался в моих заметках Берлин).

То, что мы оба вели в Берлине, писать об этом не полагалось. В населенном

пункте! В боях за населенный пункт. И — даже: “С выходом роты на окраину населенного пункта солдат метнул гранату...”

Эта игра, называвшаяся обманом противника, еще продолжалась.

<...>

Я сунулся в один бункер, в другой. Но это уж я так просто, из упрямства. Бункера эти — низкие, низкие и глубокие тюремные подвалы. Белые порошки — две-три ступеньки — уходят в землю. Дверь небольшая, тоже низенькая, и тоже такой низенький потолок.

В этом подвале я увидел: задевая коленками друг друга, расположились пленные фрицы. Фаустники. И здесь, среди них, было много молодых. Были совсем молодые лица.

Они о чем-то спорили.

Они о чем-то спорили. Они уже пришли в себя.

У входа на камне сидел немецкий офицер с расстегнутым воротом. Что-то такое, что было в его лице, меня заставило присмотреться...

Он был очень подавлен. Коренастый, сильный. На вид ему можно было дать лет тридцать. Он сидел здесь, перед входом берлинской тюрьмы, нагнув голову, широко расставив ноги, в типичной для сильно уставшего человека позе. Он был очень подавлен, небрит. Мундир расстегнут, лицо мягкое, желтое, носы неуклюжих сапог порыжели.

Мне показалось, что я его уже видел. Все тогда же, под Бродами, в лесу. В то утро 22 июня 1941 года. В то первое утро, когда раздалась команда и когда по всем радиостанциям неслась немецкая музыка маршей. То был первый немец, которого я видел. Он к нам залетел на мотоцикле.

Нас в тот день вывели из казарм, когда начали бомбить город. Кто-то догадался все же вывести нас, безоружных, в лес. Он въехал в наше расположение прямо на мотоцикле. Я сразу понял, что это немец. Я подходил к штабу, который у нас находился у трех сосен, и сразу его увидел.

Он стоял неподвижно, широко расставив ноги. Железный крест, на груди бронзовая медаль.

Он никого и нисколько не боялся. Что мы могли ему сделать! Казалось, он был уверен, что мы ничего сделать с ним не посмеем. Казалось, он даже не особенно интересовался, куда — куда и зачем он гнал очертя голову.

Он стоял как белый человек в джунглях.

Он был первый фашист, первый немец, увиденный мной... Невысокий, широкоплечий, плотный. Волосы у него были короткие, курчавые. Он был без фуражки, без пилотки. Был он плотный, широкоплечий. Выше кармана — орел и знак свастики. Красивый, тонкой шерсти темно-голубой френч, сапоги...

Он даже ударил одного нашего сержанта.

Он вел себя так, как вел бы себя в джунглях где-нибудь среди дикарей, которые перед ним всю жизнь жили в страхе. Как где-нибудь в джунглях среди дикарей. Казалось, он нисколько не был напуган, он был уверен, что и близко подойти к нему мы не посмеем.

Этот, сидящий на пороге моабитской тюрьмы, чем-то мне напоминает того немца. Странно похожее лицо. Лысеющий немец... Только этот потрепанный, небритый и драный. И, пожалуй, постаревший.

Но, конечно, это был не тот, другой. Только похожий.

Того мы отвели в овраг».

Конечно, эту прозу писал поэт. Прозаик написал бы иначе. Другим дыханием, другой фразой. Но нам теперь важно все: именно это дыхание и именно эта фраза. Потому что — и это определяет все — написанное принадлежит тому самому старшему лейтенанту Субботину, который вошел в населенный пункт Берлин вместе

с передовой ротой и видел, как «с выходом роты на окраину населенного пункта солдат метнул гранату...» К особенному ритму прозы Василия Субботина не сразу привыкаешь, к частым повторам слов и целых фраз. Придирчивый редактор, пожалуй, в два счета выправил бы многие фразы, убрал повторы. На то он и редактор. Но, вчитавшись, вскоре начинаешь понимать, что повторы необходимы для усиления акцента. В самых важных местах автор не просто берет читателя за руку, но порой еще и дергает. Повторы здесь — как в стихах. И вскоре привыкаешь, понимая: нужны.

И вот снова описания берлинских дней. Новая встреча с комбатом, к которому ходил на плацдарм во время прорыва, «когда его там контратаковали». Красное вино, которое комбат щедро наливал корреспонденту дивизионки и которое сыяло, пропуская пламя огня коптилки... Гибель редактора, капитана Белова, и водителя Мити, которых обстреляли фаустники в тот момент, когда редакционные остановились, чтобы спросить у них (фаустники были в гражданском), как правильно поехать и не заплутать... И среди прочего вот эта фраза, в которой, быть может, заключена вся солдатская философия войны в ее итоговом проявлении: «К смерти, к крови, нельзя привыкнуть. Это нечто такое, что слишком серьезно даже на войне... Скольких я перехоронил! И всякий раз осознаешь это заново...»

5

Во время штурма Берлина погибло много бойцов и командиров Красной Армии. Тысячи! Кого тут винить? Командиров? Но гибли и командиры. Штабы? Но штабы спланировали и провели операцию блестяще, в любом случае, значительно лучше, чем немцы под Москвой в сорок первом. Есть сторонники того, что Берлин не надо было атаковать вообще. Всякий мнит себя стратегом...

А может, и Варшаву не стоило атаковать? И Прагу? И Ленинград, и Москву стоило бы сдать?..

В дивизиях первого эшелона потерь было много. Немцы и их союзники продолжали драться за столицу третьего рейха с упорством обреченных. Упорство не покидало и атакующих: дело надо было доделать до конца.

В шестидесятые годы Василий Субботин снова вернулся к берлинской теме. В книге «Как кончаются войны» появился цикл «Рассказы шестидесятого года»: «Дороги», «Серое здание», «Полковник» Берест», «Немногие знают...», «Встреча», «Забывший солдат» и другие.

Из рассказа «Серое здание»: «Когда наступил рассвет, все, кто был в доме Гимmlера, подошли к окнам, надеясь увидеть рейхстаг. Но ничего не увидели: мешало какое-то здание.

Неустроев тоже глядел из-за подоконника. (Окно в подвале было высоко.) Он видел немного. Справа — деревья парка, еще голые, темные. Тянет апрельской влагой, прошлогодним прелым листом. Слева виден ров. Еще не совсем рассеялся туман. С крыши капает... Неустроев увидел и это четырехугольное невысокое здание, также прикрытое деревьями. Здание ему показалось не очень большим. Правда, над ним купол и башни по бокам, но ничего особенного оно собою не представляет.

Бойцы, столпившиеся тут же, были озадачены. Там, где ждали увидеть рейхстаг, никакого рейхстага не было.

Но другой комбат — Давыдов — сказал, что из подвала плохо видно, и повел командиров наверх. Осмотреться. Оттуда им яснее будет, как действовать дальше.

Они поднялись на два этажа и стояли, прячась за косяк. От Шпрее еще наполнился туман. Насквозь промокший парк был пуст. И было тихо. И тут увидели то, чего раньше не могли рассмотреть, — увидели, что площадь вся изрыта траншеями... Увидели бронеколпаки на углях, танки. В глубине парка — самоходки.

Афишная тумба. Еще какое-то сооружение, похожее на трансформаторную будку, вероятно, укрепленное. Кроме рва, впереди был еще канал, заполненный водой. Да и это здание с башнями отсюда, с высоты, выглядело внушительнее, не то что из подвала, когда первый этаж был скрыт...

Прибежал связной. Неустроева вызывали. Комдив Шатилов² запрашивал, почему он не наступает.

“Товарищ “семьдесят семь”! Мешает серое здание”.

“Постой, постой... Какое здание?”

“Прямо перед нами! Буду обходить справа”.

Неустров, лежавший у телефона в углу подвала, и комдив у себя на НП, в Мобате, оба склонились над картой...

Пришел командир полка. Зинченко. Он разместил свой штаб за рекой — рядом со швейцарским посольством.

“Что тебе мешает? Давай карту”. Они вымеряли и прикидывали. Мост Мольтке... Шпрее... Дом Гимmlера...

“Неустров! Да это — рейхстаг!”

А ему и в голову не приходило, что это четырехугольное серое здание, этот дом перед окнами (до него так близко!) и есть тот рейхстаг, к которому они стремятся. А ему казалось, что до рейхстага еще надо идти и идти.

Над ребристым его куполом была площадка, и на ней — шпиль. Перед фасадом — густые, готовые вот-вот распусться деревья — не обломанные и не обожженные...

Но видели это лишь немногие, и лишь этим ранним утром. Через час началась артподготовка, по рейхстагу ударили “катюши” и орудия — дальние и прямой наводки, и он мгновенно стал таким, каким у нас его знают по снимкам, появившимся после войны».

Потом ударные группы 150-й Идрицкой стрелковой дивизии и группы других частей и соединений начали штурм. В каждой из атакующих групп был свой флаг, штурмовой флажок, который выставляли в окнах захваченных этажей или домов. Всем хотелось установить свой символ победы над главным зданием «логова». Потом в историю со знаменем Победы над рейхстагом вмешаются заинтересованные люди и обстоятельства и историю эту так запутают, что придется переписывать задним числом некоторые документы, в том числе и боевые. Так что богине истории тоже порой подкрашивали губы, чтобы выглядела сообразно обстоятельствам...

² Василий Митрофанович Шатилов (1902–1995) — генерал-майор, в апреле-мае 1945 года командир 150-й Идрицкой стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Герой Советского Союза (1945). Генерал-полковник (1963). Родился в селе Калмык Воронежской губернии в крестьянской семье. В РККА с 1924 года. Член ВКП/б/с 1927 года. В 1928 году окончил Тифлисскую пехотную школу. В 1938 году окончил факультет моторизации и механизации Военной академии им. М.В. Фрунзе. Участник похода в Западную Украину и в Западную Белоруссию в 1939 году в должности начальника штаба 27-й отдельной легкотанковой бригады. С июля 1941 года на фронте. В ходе войны командовал стрелковыми дивизиями. С апреля 1944 года командовал 150-й стрелковой дивизией. После войны командовал той же дивизией, затем 15-й механизированной Группы советских оккупационных войск в Германии. Окончил Высшие академические курсы при высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. Служил в Забайкальском, Запдно-Сибирском, Приволжском, Дальневосточном военных округах. В 80-е годы входил в редколлегию героико-патриотического литературно-художественного альманаха «Подвиг». Награжден медалью «Золотая Звезда», двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Кутузова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды.

Василий Субботин, конечно же, вынужден был играть по тем нотам, которые были утверждены в верхах. Но правду рассказал. Рассказал и о первом солдате, который первым донес знамя Победы до рейхстага и был убит на его ступеньках пулеметной очередью. Младший сержант Петр Пятницкий. (Рассказ «Забывтый солдат»). Рассказал, какой тяжелый бой произошел в рейхстаге и вокруг этого серого здания. Из рассказа «Немногие знают»: «Немногие знают: после того, как мы водрузили знамя на рейхстаге, бои в рейхстаге шли еще два дня и две ночи. Полторы тысячи немцев, уже в дни штурма Берлина переброшенные сюда с Балтики, засели в подвалах рейхстага. Они забрасывали нас фаустами. Этого сильно реактивного оружия в подвалах у них было много. Но когда стало ясно, что вернуть рейхстаг им не удастся, они подожгли его. А может, он и сам загорелся от тех же фаустпатронов. Он горел так, как горит всякий дом, а гореть в рейхстаге было чему — горела мебель, краска стен, вспучивался и полыхал паркет; дым, а потом пламя показались из окон, из пробоин. Горстка людей — около трехсот бойцов, лишь немногим больше! — сражались в горящем здании.

Но не только в этом был драматизм положения.

Утром первого мая — на тысяча четыреста десятый день войны — сводка Совинформбюро сообщила, что нашими войсками в центре Берлина взято здание германского рейхстага и водружено Знамя Победы. Об этом же было сказано Сталиным в его первомайском приказе.

В Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке служили молебны. В эфире — стоило включить радио — слышался колокольный звон... А в это время в горящем здании рейхстага, в тесном коридоре, прижатые огнем к стене, руками закрывая глаза, стояли наши бойцы.

Комбату было передано, что он может вывести людей. «Выйдите из рейхстага, займите круговую оборону, а как только здание прогорит, станете брать его снова».

Но выходить было уже некуда. Собравшиеся в одной узкой комнате задыхавшиеся от дыма бойцы, натянув противогазы — у немногих они оказались, — лежали на полу. Пламя уже врывалось сюда.

И что-то с треском рухнуло. Из провала в стене повалил желтоватый дым. Но это была, как они увидели, не новая опасность, это было — спасение...

И через этот неожиданный, вдруг открывшийся пролом бойцы перебрались в соседнее, уже выгоревшее помещение.

Немцы не смогли добиться ничего. И знамя не сгорело, все так же оставалось над рейхстагом, оно лишь слегка закоптилось».

В своих рассказах Василий Субботин обходит стороной полемику по поводу того, кто же все-таки первым установил Знамя Победы над рейхстагом. Но если внимательно читать рассказ за рассказом, найдешь и имена первых.

Спустя годы именно к нему, бывшему дивизионному корреспонденту 150-й Идрицкой стрелковой дивизии будут приезжать ветераны полков, штурмовавших главное здание Берлина. Пехотинцы разных частей и соединений, спешившиеся танкисты, артиллеристы, саперы. Когда штурмовавшие Берлин поняли, что это «серое здание» и есть рейхстаг, к нему устремились боевые группы из разных дивизий и даже армий. Недавно стало известно о группе из 8-й гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова, авангарды которой сражались у Бранденбургских ворот. И — все с красными флагами и вымпелами. Всем хотелось засвидетельствовать свою победную роль в происходящем. Так вот все они собирались у Василия Субботина, к тому времени уже известного поэта и писателя.

Была в истории штурма рейхстага недосказанная правда, которая не давала покоя многим ветеранам. Была история с несправедливо распределенными «Золотыми Звездами» Героев Советского Союза, которые обещали тем, кто первым ворвется в рейхстаг и установит красный флаг. Всем, дравшимся в рейхстаге, вру-

чили ордена, знаменосцам — ордена Красного Знамени. Спустя почти год им присвоили звания Героев. Но не всем. И, по иронии истории, обошли первых — разведчика Григория Булатова и лейтенанта Рахимжана Кошкарбаева. Ветераны собирались у писателя, во-первых, уважая его и фронтовое прошлое, и творческое настоящее, в том числе за правду пережитого на войне, которую Василий Субботин упорно утверждал в своем слове. Они, конечно же, верили всесилу этого слова, надеялись, что деформированную правду можно поправить, восстановить. Писали коллективные письма в самые высокие инстанции. И действительно, после них звание Героя Советского Союза было присвоено еще некоторым участникам штурма рейхстага. Но главной правды утвердить оказалось невозможно: Булатов и Кошкарбаев оставались в забвении. История последних победных боев их словно отторгала. Не всесильным оказался и поэт. Но дело все же он сделал. И сделал добросовестно. В книге «Как кончаются войны» Василий Субботин назвал имена забытых и рассказал об их подвигах. Он знал, что истории, чтобы войти в колею правды, потребуется время. И вот спустя семь с половиной десятков лет оно наступило. Имена участников штурма рейхстага и знаменосцев, в том числе и тех, которые молчали, опубликованы. Авторы публикаций цитируют бывшего военного корреспондента газеты 150-й Идрицкой стрелковой дивизии старшего лейтенанта Субботина.

Рукописи, в том числе и фронтовые блокноты военных корреспондентов, не горят.

6

Выписка из приказа № 275/н от 21.09.44. О награждении орденом «Красная Звезда»: *«Тов. Субботин работает в редакции красноармейской газеты 150 стрелковой дивизии с февраля 1944 года. Он показал себя способным газетным работником, хорошо знающим военное дело офицером. Материал для газеты тов. Субботин организует непосредственно на переднем крае. Во время боев тов. Субботин нередко находился в боевых порядках, лично участвуя в боевых операциях. Все задания выполняет своевременно и добросовестно. Стремится чтобы правильно и полно осветить боевые действия, показать героев боев. Тов. Субботин хорошо связан с военкорами и опирается на них в своей работе. Своими корреспонденциями он мобилизует и учит воинов бить врага наверняка. Особо энергично работал тов. Субботин в дни июльских наступательных боев нашей дивизии. В первый день наступления 10.07.1944 г. тов. Субботин находился в действующем 469 стрелковом полку, собирая материал непосредственно в боевых порядках. В следующие дни он продолжал освещать боевые действия наших подразделений, показывая героев боев».*

Все войны когда-то кончаются. Закончилась и эта, великая, мировая, долгая, как трудно прожитая жизнь, когда каждая минута может стать вечностью, а вечность — мгновением.

Василий Субботин вернулся на Урал. Поселился на железнодорожном разъезде Теплый Ключ под Свердловском. Больше было ехать некуда. Отец Ефим Дмитриевич не вернулся с фронта. Дома не стало. И вот — Теплый Ключ. «Это был небольшой лесной поселок, — вспоминал поэт, — участок леспромхоза. Я приехал сюда на побывку, в отпуск после госпиталя, да так и остался здесь, потому что вскоре был демобилизован и возвращаться в часть мне не пришлось. У моего тестя, у Федора Никитича, была здесь комната в бараке, и первые полтора года после войны мы все, всей семьей нашей, жили в одной небольшой, беленой известью комнате, выходившей окнами на стоящий в отдалении лес, на станцию железной дороги, сплошь загроможденную штабелями леса и дров».

Есть на Урале Теплый Ключ —
Лесной и тихий полустанок.
Сюда едва лишь солнца луч
Сквозь мглу таежную достанет.
Токуют в травах глухари,
Да зреет клюква на болотах,
И долго осенью горит
Лесов окрестных позолота.
Уж разожгли на берегу
Другую ягоду морозы...
И только здесь, сказать могу,
На снег ложится лист березы.

Попав в тишину таежного Зауралья вчерашний старший лейтенант и военный корреспондент сразу же дал волю собственному голосу, одно за другим стали появляться стихотворения, исполненные мелодией тонкого лиризма. Начался разговор с природой, с миром, дорога в который долгие годы солдату была закрыта.

Ранение, полученное в последние дни войны, не только вышибло Василия Субботина из армейских кадров, но и на какое-то время сделало безработным. Боли в поврежденном позвоночнике не проходили, врачи предписывали носить корсет. Война не отпускала.

И тогда он достает фронтовые блокноты и тетради... И потекли стихи о пережитом, о солдатских буднях, об окопной жизни под обстрелами, о боевых товарищах.

Временами он выезжал в Свердловск, где познакомился с уральскими поэтами и писателями. В Доме работников искусств при местном отделении Союза писателей формируется литературная группа, куда вошел и Субботин. Но работы нет. Жить в семье тестя тоже становится тягостно. Вскоре, как офицер запаса и инвалид войны, получил путевку в санаторий Министерства обороны в Ялте. Атмосфера юга, местный климат понравились, благотворно они действовали и на здоровье. Недолго раздумывая, Василий Субботин перебрался в Симферополь и устроился там на работу в местном издательстве. Появилась хоть какая-то определенность, заработок. Жил вначале в съемном углу у хозяйки — снимал с товарищем небольшую комнату в частном доме. Потом оба перебрались в гостиницу.

Однажды в издательство зашел Паустовский. Усталый, обросший жесткой бородой странника. Поиздержавшийся в долгом путешествии. Обрадованный Василий Субботин, исполнявший обязанности директора издательства, узнав о нужде писателя, распорядился выдать ему гонорар за главы из книги «Черное море» — четыре тысячи старых рублей! — и размотал всю издательскую казну.

7

Совещание молодых писателей в Москве стало поворотным в судьбе поэта.

Это было первое после войны совещание молодых литераторов. Они приехали в Москву и впервые увидели друг друга, хотя стихи уже знали — читали в армейских газетах, в литературных журналах, доходивших до передовой и тыловых госпиталей, где они отлеживались после ранений. Ольга Кожухова, Семен Гудзенко, Юлия Друнина, Николай Старшинов, Михаил Луконин, Сергей Наровчатов...

«Когда мы съехались, слетелись в Москву, — вспоминал Василий Субботин, — нас было уже двести человек! Мы родились как-то все сразу, мы ввалились целой гурьбой. Сдержать нас было трудно».

Попасть на московское совещание молодых писателей Субботину помогли Семен Гудзенко и Михаил Луконин. Они его буквально втиснули, вписали в список участников в последний момент. И по достоинству вписали.

Первой книгой была книга очерков «На мысе Глубинном». В 1950 году, наконец, вышла поэтическая книга «Солдат мира».

В 1949 году он поступил в Литературный институт. Правда, проучился в нем только два курса.

В 1951 году вступил в Союз писателей СССР. И через два года перебрался с семьей в Москву. На первых порах жить было негде. Семья скиталась по чужим углам. Постепенно все устроилось.

Работал в редакции журнала «Молодой колхозник», затем заведовал отделом поэзии журнала «Дружба народов».

В 1956 году окончил Высшие литературные курсы.

Работал в издательстве «Советский писатель».

Член редколлегии «Литературной газеты».

Василий Ефимович Субботин прожил долгую и достойную жизнь. Издал больше сорока книг.

Умер 24 мая 2015 года.

* * *

Не гремит колесница войны.
Что же вы не ушли от погони,
На верху Бранденбургской стены,
Боевые немецкие кони?

Вот и арка. Проходим под ней,
Суд свершив справедливый и строгий.
У надменных державных коней
Перебиты железные ноги.

* * *

Я перекрестным был крещен,
Мне штыковая снится схватка.
Мне чайльд-гарольдовым плащом
Служила эта плащ-палатка.

Уже хлеба встают стеной
В том самом поле, где кружил я,
Но все грохочут за спиной
Той жесткой плащ-палатки крылья.

* * *

В те годы много по лесам
Легло в побоище неравном...
И кто-то Слово написал
Об Игоре и Ярославне.

Оно из дальних чащ былых
Летит из века в век и дальше —
Давно умолкший голос их,
Живых и мужественно павших.

Отцы и дети. Кровь одна.
Ни камня гулкого, ни знака.
Не перечесть их имена,
Их судеб горьких не оплакать...

Одной травой поросла
Земля могил. Над всеми равно
Она слезами изошла,
Седая наша Ярославна.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Стихи. — Симферополь: Крымиздат, 1953.
Земное лето. Стихи. — М.: Советская Россия, 1962.
Как кончаются войны. — М.: Воениздат, 1965.
Как кончаются войны. — Роман-газета. — 1966.
Жизнь поэта. — М.: Советский писатель, 1970.
Строки. Стихи. — М.: Советский писатель, 1972.
Жизнь поэта. — М.: Современник, 1977.
Первая книга. — М.: Детская литература, 1977.
Школа характера. — М.: Советский писатель, 1979. (Серия «Писатели о творчестве».)
И настал мир. — М.: Детская литература, 1981. (Серия «Книга за книгой».)
Избранные произведения. В 2-х томах. — М.: Художественная литература, 1981.
Жизнь поэта. — М.: Советский писатель, 1984.
Стихотворения. — М.: Советский писатель, 1991.
Роман от первого лица. В 2-х томах. — М.: Терра-Книжный клуб, 2005.
Сочинения. В 5-ти томах. — М.: Новый хронограф, 2010.

НАГРАДЫ И ПРЕМИИ

- Орден Отечественной войны 1-й степени.
Орден Отечественной войны 2-й степени.
Орден Красной Звезды.
Орден Трудового Красного Знамени.
Орден «Знак Почета».
Медаль «За освобождение Варшавы».
Медаль «За взятие Берлина».
Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
Медаль «За доблестный труд».
Литературная премия им. А.А. Фадеева (1980).
Литературная премия им. К.М. Симонова (1982).

